

*«Земли родной
талант и вдохновение»*

**СБОРНИК ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ
V областного литературного конкурса**

Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Отдел краеведения и редких книг

«Земли родной талант и вдохновенье»

СБОРНИК ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ
У областного литературного конкурса

Благовещенск
2023

ББК 84(2Рос – 4Аму)6
З 528

Земли родной талант и вдохновенье : сборник творческих работ V областного литературного конкурса / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского. – Благовещенск, 2023. – 68 с.

Составитель: И. В. Дымова
Ответственный за выпуск: О. С. Праскова
Компьютерная вёрстка и художественное оформление: М. И. Гнускова

В оформлении сборника использованы фотографии, находящиеся в свободном доступе в сети Интернет, с видами Зейского и Хинганского заповедников (к 60-летию с момента образования).

Сборник содержит творческие работы V областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье». В 2023 году конкурс был посвящен 165-летию образования Амурской области и Году педагога и наставника в России. Проводился по номинациям «Живая память», «Место одно есть такое, где ты появился на свет», «Заповедная природа, заповедный дивный край», «Мой наставник» в жанрах «Проза» и «Поэзия». Тексты произведений печатаются в авторской редакции.

Произведения победителей конкурса представлены в указанных номинациях и жанрах. В честь 60-летия с момента образования Зейского и Хинганского заповедников в оформлении сборника использованы фотографии с видами амурской природы, находящиеся в свободном доступе в сети Интернет.

Сборник творческих работ V областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» имеет электронную версию, которая размещена на сайте ГБУК «АОНБ им. Н. Н. Муравьева-Амурского» по адресу: www.libamur.ru в разделах «Ресурсы. Архив изданий», «Литературное Приамурье».

© Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

ПОЭЗИЯ	50
Седелкин М. Ю. Перед дождем	50
Это май	50
Лету быть	50
Фадеева Т. В. Зима	51
Федоров Е. А. Тайга	52

Номинация «Мой наставник»

ПРОЗА	54
Хаустова В. М. Как Есенин стал индийским поэтом	54
Тимкина М. Е. Буду учительницей	57
Семенова Е. Ф. Через годы я слышу биенье сердец	58

ПОЭЗИЯ	63
Шумакова Р. И. Я иду на урок	63
Горохов А. Ф. Жизнь – сама учитель	64
Шут О. А. В память о любимых педагогах	65
Федоров Е. А. Гимн школе	66

От составителя

Областной литературный конкурс «Земли родной талант и вдохновенье» традиционно проводится один раз в два года при поддержке Министерства культуры и национальной политики Амурской области, амурских писательских организаций. Произведения победителей включены в сборники творческих работ областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2015, 2017, 2019, 2021 гг.).

Областной литературный конкурс «Земли родной талант и вдохновенье» был посвящен 165-летию образования Амурской области и Году педагога и наставника в России. Проводился по четырём номинациям: «Живая память», «Место одно есть такое, где ты появился на свет», «Заповедная природа, заповедный дивный край», «Мой наставник», в жанрах «Проза» и «Поэзия».

Всего в конкурсе приняли участие 67 человек. Ими было представлено 146 работ. Наибольшую активность проявили авторы из г. Зеи – 17 участников, г. Белогорска и Белогорского муниципального округа – 10 участников, г. Шимановска и Шимановского муниципального округа – 9 участников, п. Архары и Архаринского муниципального округа – 6 участников, г. Свободного и Свободненского района – 6 участников. Свои работы представили авторы из Ивановского и Сковородинского муниципальных округов, Константиновского, Магдагачинского, Михайловского, Октябрьского районов.

Наибольшим числом участников – 43 и работ – 52 представлена номинация «Живая память». Номинация «Место одно есть такое, где ты появился на свет» включает 33 участника и 44 работы, номинация «Заповедная природа, заповедный дивный край» – 21 участника и 30 работ, номинация «Мой наставник» – 17 участников и 20 работ.

Оценку поступивших работ проводили члены Амурской областной писательской организации Союза писателей России – Владислав Лецик, Александр Бобошко, Елена Войтенко; сотрудники Амурской областной научной библиотеки – Алексей Карпов и Екатерина Андреева, имеющие филологическое образование. Победителями признаны авторы работ, набравших наибольшее количество баллов. Это авторы из городов Белогорск, Благовещенск, Зея, Шимановск, Мазановского района, Архаринского, Завитинского и Ромненского муниципальных округов, села Тамбовка.

В данный сборник включены работы победителей V областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье». В текстах сохранены орфография и авторский стиль изложения.

В честь 60-летия с момента образования Зейского и Хинганского заповедников в оформлении сборника использованы фотографии с видами амурской природы этих заповедных мест, находящиеся в свободном доступе в сети Интернет.

Электронная версия сборника творческих работ V областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» размещена на сайте ГБУК «АОНБ им. Н. Н. Муравьева-Амурского» по адресу: www.libatur.ru в разделах «Ресурсы. Архив изданий», «Литературное Приамурье».

Приглашаем к участию в VI областном литературном конкурсе
«Земли родной талант и вдохновенье».

Жанр «Проза», 1 место

Татьяна Павловна Гедз – участник литературного клуба «Вдохновение» Центральной библиотеки Завитинского муниципального округа.

С семьей переехала в город Завитинск Амурской области в 1964 г. По окончании школы и Благовещенского пединститута работала учителем русского языка и литературы в средней школе села Болдыревка Завитинского района. Затем перешла работать в районную газету «Заря коммунизма» (ныне «Завитинский вестник»). Начинала корректором, была литсотрудником, заведующей отделом промышленности и писем, заместителем редактора, редактором.

В настоящее время – пенсионер. Завитинской центральной библиотекой выпущено несколько сборников её рассказов. Победитель III областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» – 2019».

ТАТЬЯНА ГЕДЗ

В ЛАБИРИНТЕ СУДЬБЫ

В доме царил торжественный переполох. Бабуля замешивала тесто для своих фирменных ватрушек. Она тихонько что-то напевала, улыбалась. Мама суетливо бегала между кухней и сенями. Стол уже был заставлен домашними заготовками, а она продолжала нырять в сени, погреб. Отец возился возле печи, на которой уже кипела разваристая картошка: крышка на кастрюле то и дело подпрыгивала. Чайник тоже пыхтел, выпуская из носика горячий пар. Одна я была без дела.

– Сталинка, чего застыла на месте? – обратилась ко мне мама. – Сбегай за тёткой Нюрой, пусть идёт к нам. – Я поняла, что у нас будут гости. Гостей с раннего детства любила, знала, что будет весело, что бабушкину стряпню можно есть столько, сколько хочется. – Скажи ей, что брат Алексей приезжает. Твой дядя.

Она достала из кармана передника конверт. Я прочитала адрес отправителя. Им был Алексей Андреевич Прокудин.

– Он же погиб на войне?! – непроизвольно вырвалось у меня. – И похоронка была...

– Была, – согласилась мама. – Слава Богу, ошиблись. Жив наш Алёша.

– А где он был после войны? Девять лет прошло, – не унималась я. Мама обняла меня, и я услышала, как сильно бьётся её сердце.

Волнение матери передалось и мне. Сердце стало «выплясывать», сбиваясь с ритма. Вдруг я вспомнила тот далёкий день 44-го года, словно это было вчера...

Почтальон баба Катя хотела бросить письмо в ящик, но передумала, увидев меня, стоящую у калитки. Она протянула маленький треугольник, похожий на лист из тетради, со словами:

– Передай родным, да не потеряй.

Затем быстро пошла, горестно вздыхая и что-то шепча. В её руке были ещё два таких же треугольника. Если бы я тогда знала, что за весть принесу домой, то не спешила бы радоваться.

С первых же строк письма мама изменилась в лице и заплакала. Бабушка, узнав, что Алексей погиб, тоже запричитала, проклиная фашистов. Она задыхалась, хватала воздух открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег. Я поняла, что случилась страшная беда, присоединилась к ним. На наш надрывный плач прибежала соседка тётя Дуся, а следом за ней прихромал её свёкор, дед Пахом.

События, произошедшие в жизни Алексея, двоюродного брата мамы. Факты реальные.

В руках у него был самодельный посох, а на голове – солдатская шапка-ушанка, с которой он не расставался даже летом. Дед был своего рода достопримечательностью нашего небольшого посёлка. Его знали и стар, и мал: он участник русско-японской войны, награжденный за боевое мужество Георгиевским крестом. При взятии Порт-Артура ему оторвало ступню правой ноги. Комиссовали. А к началу второй мировой войны ему уже было за семьдесят. Но дед Пахом не любил судачить о своих годах. Крепок был здоровьем. Несмотря на изуродованную ногу, продолжал ходить на охоту. Мясо дичи всегда водилось в его доме. Помогал по хозяйству одиноким бабам, мужья которых воевали. За это его уважали. А малышня ходила за ним и старалась подражать ему. Алёша не был исключением. Пахом любил его как родного. Поэтому и не хотел верить, что Алёшка погиб.

Посмотрев на плачущих женщин, он строго сказал:

– Девки, прекратите раньше времени хоронить парня. Вам же не сообщили, где похоронен? Нет. Чего голосить?! – Он ещё поворачивал по-стариковски, повздыхал. Затем смастерил самокрутку, насыпав внушительную щепоть махорки, с наслаждением закурил. Через минуту едкий дым заполнил кухню.

– Ты что, старый антихрист, пришёл травить нас дымом? И когда ты эту «соску» бросишь?

– Война закончится, и брошу. Ты, Степановна, первой узнаешь. Вот дожить бы нам до победы наших! – Пахом снял шапку-ушанку, почесал голову, пригладил то, что осталось от его когда-то пышной шевелюры.

– Хочу напомнить вам: Самсоновы тоже получили похоронку на своего Петьку. А он вернулся, и не просто вернулся, а с орденом Красной Звезды и медалями. Даст Бог и Алёшка вернётся. Сходите в церковь, поставьте свечку и помолитесь за его здоровье. – Он ещё хотел что-то сказать, но передумал. Махнул досадно рукой и, тяжело опираясь на посох, заспешил домой.

– Сдал за последний год, – с грустью сказала тётя Дуся, глядя вслед уходящему свёкру.

После его ухода повисло тягостное молчание: каждый думал о своём. Лишь изредка у женщин вырывались то всхлип, то горестный вздох. Оставалось надеяться на чудо.

***

...И чудо свершилось. В руках мамы письмо от дяди Алексея. Это в честь него утренний переполох в доме, счастливые мамины глаза,

загадочная улыбка бабули, словно она знала, что всё так и будет.

– Пахом-то оказался прав, что Алёша жив. Жаль, что не дождался его. Пусть земля ему будет пухом. Позже с Алексеем сходим к нему на могилку, – вздохнула Евдокия Степановна, трижды перекрестившись.

Ну, чего ты стоишь, раскрыв рот? – вновь обратилась ко мне мама. – Я думала, что ты уже сбегала за тётей Нюрой.

– Сейчас. – Я не успела ответить, как дверь распахнулась. На пороге стояла тётя Нюра. Её частое, прерывистое дыхание и раскрасневшееся лицо, по которому струйками стекали пот вперемешку со слезами, подтверждали, что она бежала, хотя была уже не молода.

– Да не ругай девчонку, – заступилась она за меня. – В посёлке хорошо работает сарафанное радио. Дуськин Гришка мне сообщил, что приезжает Алексей. Через час автобус будет.

– Как ты, Нюрок, всё успеваешь? – поразила её догадливости сестра Нина.

– Как, как. Автостанция рядом с моим домом. Ты что, забыла?

Пока они переговаривались, я незаметно ушла. Вместе с подружкой Людой побежали встречать долгожданного гостя. Успели прямо к прибывшему автобусу. Его двери со скрипом, словно жалуясь на долгую дорогу, распахнулись. Мы увидели среди пассажиров высокого худого мужчину лет тридцати. Он неспеша вышел, огляделся вокруг и закурил. Передо мной был совершенно незнакомый человек. Новый костюм сидел на нём мешковато, словно с чужого плеча, абсолютно не шёл ему: не было ни медалей, ни орденов. И это нас обеих сильно огорчило. Нам-то хотелось видеть в этом госте героя прошедшей войны. Но, увы! Его карие глаза под прямыми бровями смотрели холодно и осторожно. На секунду взгляд остановился на нас и сразу же стал искать кого-то другого.

– Не узнал, – вслух сказала я.

– Да и как он мог тебя узнать?! Когда уходишь на фронт, тебе было пять–шесть лет, а сейчас... – Людка дёрнула меня за руку. – Хватит стоять истуканом. Пойди и скажи, кто ты, что встречаешь его.

– А вдруг это не он? – Мы подошли к мужчине. – Вы Алексей? – неуверенным голосом спросила я.

– Постой, постой, дай угадаю, кто из вас моя племяшка. Наверное, это ты, – указал он на меня. – Похожа на мою сестру Нину, у которой тоже были кудряшки. Давайте знакомиться.

Он протянул левую руку. И тут мы увидели, что правый рукав пиджака был пуст: руки не было. Мы растерянно смотрели на Алексея.

Заметив наше замешательство, почти шёпотом сказал:

– Ничего, девчатки, привыкнете. Со временем ко всему привыкаешь. – Он улыбнулся одними уголками губ, возле которых сразу же образовались горестные глубокие морщины. – Пойдёмте. Нас уже заждались. Бабуля твоя наверняка напекла пирожков?!

– Пирожки не пекла. Ватрушками будет угощать.

– Ват-руш-ки! – Алексей прикрыл глаза и резко втянул в себя воздух, словно почувствовал пряный запах домашней выпечки. Он несколько раз смешно пошевелил ноздрями, отчего его лицо стало по-мальчишески задорным. Мы весело рассмеялись.

За разговором не заметили, как подошли к дому. Почти минуту мама и тётя смотрели на Алексея. Потом бросились ему на шею. Одной рукой брат старался обнять обеих сестёр, но это давалось ему с трудом. Глаза его повлажнели, в их уголках появились росной чистоты капельки. Однако слёз не было. «Видно, разучился плакать», – решила я.

На происходящее молча смотрел наш сторожевой пёс Байкал – большой, лохматый, повидавший на своём собачьем веку немало. Он не рвался с цепи, не лаял до хрипоты. Пёс спокойно стоял возле своей будки, слегка повиливая хвостом. И все поняли, что в этом худом, долговязом мужчине он узнал прежнего весёлого мальчишку Алёшу.

Радость встречи была недолгой: две недели пролетели незаметно.

– Ладно, сестрёнки, буду собираться домой, к жене и сыну. – При упоминании жены и сына глаза Алексея стали добрыми. Он обвёл взглядом всех домочадцев, улыбнулся и добавил, – Пора и честь знать. В Саратове меня уже заждались. Не уговаривайте. Не останусь.

– Не торопился бы ты, Алексей. Когда ещё свидимся? – горестно вздохнула бабуля. – Ты ведь ещё не был в гостях у бабушки Натальи, что живёт в Нижних Ключах. Не встречался со своими двоюродными братьями и сёстрами. На рыбалку с Павлом не сходили. На покосе один раз побывал.

– Какой из меня рыбак? – снисходительно улыбнулся Алексей. – Да и помощник в косье из меня никудышный. Спасибо, что взяли. Долго буду помнить запах скошенного сена. – Он с наслаждением зажмурился и, как тогда с ватрушками, втянул в себя воздух, предвкушая запах рзотравья.

– А ты, племяшка, – обратился он ко мне, – не обижайся, что ничего не рассказал о войне и послевоенных годах. – Его лицо стало чужим, далёким. Я заметила, как сжа-

лись его пальцы в кулак с такой силой, что косточки побелели. – Я позже напишу письмо лично тебе.

– Хорошо. Буду ждать, – с надеждой сказала я и обиженная, холодно попрощавшись, ушла в свою комнату. После об этом долго жалела.

Утром, пока я спала, дядюшка уехал.

– Даже не разбудил, – надула губы я.

– Ты сладко спала. Молодые любят спать, особенно на зорьке. Не поднимай вас, так сутками спали бы, – незло ворчала бабуля, смахнув набежавшую слезу.

– Уехал парень, значит, так ему нужно. Не держаться же за ваши юбки. Займитесь делом. А то скоро Нюрка придёт, будет трио плакальщиц, – высказав свою точку зрения на события, отец пошёл к сараю, откуда доносилось протяжное мычание коровы и повизгивание поросёнка. За проводами совершенно забыли них.

***

С того дня, как уехал Алексей, я почти каждый день заглядывала в почтовый ящик или бегала на почту. Но, увы, письма не было.

– А ведь обещал. И не вспомнил, – сокрушалась я, теряя надежду.

Постепенно мои ожидания сошли на «нет». Появились другие дела, девичьи хлопоты. Учёба в вузе отнимала много времени. Но однажды, когда я уже училась на третьем курсе пединститута, моя двоюродная сестра Ольга Викулова передала мне от мамы записку, где было всего четыре слова: «Приезжай. Тебя ждет сюрприз».

Сюрпризом оказалось письмо от дяди, и было оно адресовано лично мне. Подержав объёмное письмо на весу, будто взвешивая судьбу писавшего человека, я открыла конверт. Письмо было написано левой рукой. Значит, писал сам. Буквы получились корявыми, неровными, словно выплясывали весёлую кадрили. Я уселась с ногами в кресло и стала читать.

«Здравствуй, моя племяшка! Наконец выполняю своё обещание. Думаю, письмо будет моей исповедью. До войны моё детство и юность были как у всех советских ребят. Воспитывала меня старшая сестра Нюра, так как мать умерла, когда мне было 4 года. Отца совсем не знаю. После окончания школы призывали в армию. Мне было девятнадцать лет. С призывного пункта направили на курсы наводчиков-миномётчиков в г. Казань. А весной 1944 года в составе миномётного полка – на фронт под Гомель. Боевое крещение принял за город Барановичи. Как оказалось, это был

мой первый и последний бой: получил тяжёлые ранения правой руки и левой ноги. Сколько пролежал без сознания на поле боя – не помню. Очнулся от того, что надо мной стоял фашист и прикладом автомата тыкал мне в лицо. Потом два фрица волокли за ноги куда-то. Видно, от боли вновь потерял сознание. Пришёл в себя от весеннего дождя. Его холодные капли обжигали, терзали моё тело, а зубы выбивали звук скачущей лошади. Рядом со мной, прямо на земле, лежали раненые ребята, тоже военные.

– Очнулся, служивый? – обратился ко мне на ломаном русском языке мужчина в старой, потёртой, иссечённой осколками шинели: то ли армянин, то ли грузин.

– Мы думали, что ты уже отдал Богу душу. А ты всем смертям назло ожил. Подползай к нам: всё же теплее будет.

Ползти не было сил. Всё тело стало деревянным и не слушалось моих приказов. Тогда хлопцы волоком перетащили меня к себе. От них узнал, что немцы взяли нас в плен. Пленных было немного. В основном это полуживые солдаты. Дождь по-прежнему шёл. Гимнастёрки, шинели стали немислимо тяжёлыми: бойцы жались друг к другу, пытаются хоть как-то согреться. Умирать никто не хотел. Убежать – не убежишь: территория обнесена колючей проволокой и всюду охранники с собаками. На моих глазах эти волкодавы насмерть загрызли двух пленных.

Не знаю, что было бы со мной, если бы через неделю нас не освободили бойцы нашего же полка.

Сначала я попал в медсанбат, что находился в рощице, в ста километрах от лагеря, куда долетала канонада близкого фронта. Молодой хирург с военной выправкой и уставшими от бессонницы глазами ощупал мою руку, висевшую как плеть, с сожалением посмотрел на меня и простуженно-хриплым голосом сказал: «Да, боец, не повезло тебе. Но отрезать мы её всегда успеем. Гангрены пока нет. Давай доживём до завтра».

«Завтра» для меня наступило через несколько дней в одном из госпиталей г. Саратова. Пришёл в себя после операции, но уже без руки, весь в бинтах и с гипсом на ноге. В течение почти года переходил из одного госпиталя в другой. Не буду описывать госпитальный быт, у него свои правила и законы. Главное: жажда жить была сильнее смерти. Тем более, с часу на час ожидали весть о победе. Каждый день палатное радио сообщало о том, что на всех фронтах идёт наступление наших войск. Впереди был Берлин. Обидно было, что всё кончится без нас. От томительного ожидания

я учился писать и рисовать левой рукой. Рисовал в основном дружеские шаржи на своих ребят, иногда родной дом. Нужно было что-то делать – вот и учился. Безделие многих загоняло в депрессию, выбраться из которой, ой, как нелегко.

Победу встретил в госпитале. Какое это было счастье! Ты, наверное, смотрела об этом фильмы, читала книги? Ликование людей нельзя передать словами. Но это было, было...

В октябре меня выписали. И вот тут-то я растерялся. Кому нужен инвалид? Ехать домой – не хватит денег, сил. Спасибо нашей госпитальной нянечке тётке Зине, приютившей меня на первое время.

– Вот осмотришься, что да как. Поднагуляешь жирка, а то страшно на тебя смотреть, – сокрушалась тётя Зина и досадно качала головой, глядя на мою тощую безрукую фигуру.

А тут пронёсся слух, что все, кто побывал в плену, будут осуждены как враги народа. Я вспомнил белоруса Мишку Шкарина, с которым сдружился за годы лечения в госпитале и с которым собирался после выписки ехать на его родину поднимать разрушенное хозяйство. А там как повезёт...

Но однажды среди ночи «тройка» бериевских прихвостней увела друга неизвестно куда. Не посмотрели даже на то, что лейтенант Шкарин имел орден (не помню, какой) и две медали. Наш врач Сергей Романович Миротворцев (чаще его звали Чудотворцев: тысячи спасённых жизней на его счету) успокаивал нас:

– Разберутся, хлопцы. Не волнуйтесь. На то и власть, чтобы по закону разобралась, что к чему, и почему. – говорил он, словно убеждал самого себя. Нам тоже хотелось верить в справедливость. Однако моё предчувствие было иным. С Михаилом я больше никогда не встретился, хотя и искал.

***

Первые дни без бинтов и запаха карболки блаженствовал, не верил, что больничные палаты остались в прошлом. Началась мирная жизнь. Окончил курсы счетоводов. «А что? Одной рукой со счетами справлюсь», – с сарказмом говорил я. Устроился в мастерскую по ремонту машин. Встретил будущую жену Асю. В 1948 году родился Артёмка. Жизнь налаживалась.

Но жизнь как тельняшка: белая полоса сменяется чёрной. Так же, как за Михаилом, пришли и за мной работники подразделения НКВД. Недолгим было разбирательство: мне припаяли пять лет исправительно-трудового лагеря за то, что был неделю в фашистском плену. Так я, как враг народа, оказался в Безы-

мянлагере (г. Самара, станция Безымянка). Мне повезло: поставили на оформление заключённых, прибывающих в пункт приёма временного жилья. По стране продолжали идти полным ходом сталинские репрессии.

Долгие годы боялся, чтобы клеймо «враг народа» не навредило бы моей семье и семьям сестёр. Вернулся домой только после смерти Сталина. Сыну Артёмке было уже пять лет, как тебе, когда родные получили похоронку на меня. Только после реабилитации смог приехать к вам. Это ответ на твой вопрос: «Где же я был девять лет?» Но и сейчас боюсь писать о подробностях моей жизни. Не знаю, чем ещё обернутся послевоенные оценки правительством действий армии, солдат в этой кровавой войне: орденами или репрессиями?! Видно, страх глубоко засел в сознании. Чтобы он ис-

chez окончательно, потребуются годы. Прочитаешь письмо – порви. Я по-прежнему вас всех люблю. Даст Бог, ещё свидимся. Будьте здоровы и счастливы.

Крепко целую и обнимаю всех родных. Ваш Алексей».

P.S. Письмо Алексея я не порвала. В стране многое менялось как в экономическом, так и политическом плане. Была «оттепель». Но всякий раз, перечитывая его, я глубже задумывалась о сталинских репрессиях. О героизме. Предательстве. О справедливости. И чем я больше думала об этом, тем меньше нравилось моё имя. Поэтому при смене паспорта в двадцать пять лет я с ним рассталась навсегда. Теперь я – Алина.

Жанр «Проза», 2 место

Владимир Иванович Шляндин – участник «Литературной гостиной» Зейской городской библиотеки.

Родился в городе Зeya Амурской области. Работал бетонщиком в «Зеягэстрой». После окончания юридического института – в милиции, юрисконсультантом на различных предприятиях. С детства увлекался живописью. В 1973 году свои работы выставлял на Всесоюзной выставке художественного творчества. Неоднократный участник областных и краевых художественных выставок.

Победитель I и IV областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2015, 2021 гг.).

ВЛАДИМИР ШЛЯНДИН

ТАК ДАЛЕКО, ТАК БЛИЗКО

Приятно сидеть у печи, согреваясь её ласковым теплом, в морозный зимний вечер в небольшом домике старшей сестры, неспешно вести разговоры и делиться воспоминаниями. Откинув голову на спинку кресла, отчётливо слышу голос сестрёнки, которая суетится на кухне. Он так похож на мамин, а потому хочется слушать. И уже, кажется, что ничего не стоит вернуться туда, где прошли счастливые минуты детства, где мама и рядом отец. Какое же это счастье – видеть живых родителей, слышать их.

Слушаю мою по-матерински хлопотливую сестрёнку, а, кажется, что зовёт меня мама.

– Сыночек, вставай, милый!

...Я сплю на сеновале. Мне главное – подать голос, что уже не сплю. Но до чего же коротки июльские ночи! Веки словно склеены, и нет сил их открыть.

– Ещё пять минут, – пытаюсь потянуть время, пока мать доит корову. Дзинь-дзинь, бьются в подойник струйки молока, и я снова засыпаю. И снится мне, как чмокнула меня щёку одноклассница. Так хочется узнать, чем закончится сон, но надо вставать и бежать к отцу на покос. Но сначала надо попасть на паром.

– Пропади он пропадом, этот паром. И почему он так рано начинает работать?!

Но делать нечего, нужно вставать. И тут снова голос мамы: «Сынок, вставай. Я уже ко-

ровку подоила, отец тебя ждёт».

– Ты что, задремал? – голос сестрёнки прерывает мои воспоминания.

– Нет, нет, уже иду, – отвечаю я.

Встаю с такого уютного кресла и останавливаюсь у печи, по давней привычке кладя руки на горячие кирпичи. Сестрёнка смотрит на меня и неожиданно говорит:

– Слушай, как ты сейчас похож на отца. – Я не знаю, что ответить. – И впрямь отец.

– Наверное, так и должно быть, – отвечаю.

– А ты знаешь, что эту печку сложил отец?

– Конечно. Я даже ему помогал, как сейчас помню.

– Вот видишь, шестьдесят лет прошло, а печка, как тепло отцовских рук, греет до сих пор.

Потом пьём чай и снова вспоминаем родителей. На фронте наш отец, Шляндин Иван Михайлович, перенёс контузию и оглох, и мне часто приходилось быть вместе с ним: я ему был и переводчиком, и помощником. Помню, крыли дом дранкой (дощечками из сосновых чурок). Отец сидит наверху и приколачивает каждую дранку, а я подаю одну за другой. Как назло, в соседнем дворе пацаны мяч гоняют. Смотрю на них с завистью, но отойти от отца не имею права. Или того хуже: пора за девчонками бегать, а я на крыше сижу и трубу печную вывожу, потому что этой работой мы с отцом зарабатывали на жизнь. И обижаться на него я просто не имел права.

Отец дал мне много жизненных навыков.

Он был плотником, столяром, печником, сапожником, умел шить. У него были золотые руки. Трудно сосчитать, сколько домов он поставил в Зее за свою жизнь.

И вот я сижу в кресле, в котором когда-то любил сидеть мой отец. В этом доме раньше жили наши сваты, и отец здесь не просто бывал: сложил печь, покрыл крышу, изготовил мебель.

Всё делал качественно и надёжно. Вот и круглый стол, собранный им из мелких резных деталей. Я и сейчас поражаюсь его кропотливой работе, и очень горд за своего отца. Меня ласково греют лучи предзакатного солнца, проникающие через окно, и я вспоминаю, вспоминаю...

Отец не любил рассказывать о своём прошлом, а поэтому так и осталось неизвестно, по какой причине покинул он рязанские просторы и оказался на зейской земле. Но явно не от хорошей жизни. Приютом для нашей семьи стало Потехино, раскинувшееся в верховьях Зеи. Жизнь шла своим чередом. Рождались дети, крепла семья, и отец, бравшийся за любое дело, обеспечивал её. И вдруг война. В 36 лет отца отправили на фронт. Нет, он не совершал там ратных подвигов. Обыкновенный солдат на войне с винтовкой в руках защищал свою Родину. Но в первом же бою под Серафимовичем был тяжело контужен от взрыва мины. И на этом его время защитника Отечества закончилось.

Долгие месяцы госпиталей. Лишь весной 1943 года он вернулся в Потехино. Казалось бы, везение не обошло его стороной – хоть глухим, но вернулся домой живым. Но дальше жизнь пошла совсем по другому сценарию. Власти назначили ему, пришедшему с войны, такую мизерную пенсию, будто он и не на фронте искалечен, а непонятно где, будто какое-то недоразумение произошло с ним.

Шли годы, и чем дальше удалялись отзвуки войны, тем чаще стали вспоминать о фронтовиках: награждали их медалями, добавляли пенсии. Но отец в эти списки не попал. В конце 1970-х годов пришлось мне уже самому об-

ращаться в военкомат, чтобы добиться справедливости для отца. И какое же счастье было, когда его признали участником Великой Отечественной войны. Тогда я впервые увидел слёзы на его глазах.

– Ты, наверное, не знаешь, – прерывает мои воспоминания сестрёнка, – что мы два раза его чуть не потеряли. В 1943 году, вернувшись с фронта, он тяжело заболел. Долго лежал в постели, опух, стонал от сильных болей. Мама обнимала нас и плакала. Мы тоже ревели, размазывая слёзы по лицу.

Спасло его невероятное чудо – в Потехино приехал фельдшер и сумел поставить отца на ноги. А в 1947 году, когда ты только родился, он слёг с язвой желудка. Тогда его прооперировал наш известный хирург Борис Смирнов и вернул в семью. Бедный отец. Из-за слабого здоровья на работу его никто не брал, приходилось ему калымить днём и ночью, чтобы прокормить нас. А вчера нашла его письмо. Читала и плакала. Хочешь почитать?

Я киваю головой и вот уже держу пожелтевший от времени листочек. Читаю. Оно без начала. Немного выцветшие строчки. Отец обижается, что из-за своего недуга живёт, как в вакууме, пишет, что хотел бы чаще видеть нас, детей, общаться с нами.

Прочитал это, как обращение из далёкого прошлого, и так защемило сердце. Да, отец, наверное, был прав. Он не любил одиночества, хотел взаимопонимания, и чтобы дети были рядом. Терзаю себя, как же скупы мы в молодости на ласку и внимание к родителям, как мало уделяли им времени. Всё откладывали на завтра. И клялись неведомо кому, что завтра непременно зайдем. А сегодня я сам уже стар и сед, и теперь наступила моя очередь ждать детей.

Память, как же ты вдруг растревожила душу! Всё это так далеко и так близко. Тепло прощаюсь с сестрой, уже пора идти домой. Когда выхожу на улицу, вечерет. Падающие с неба снежинки порхают над фонарями, как мотыльки. Я тихо иду в этой морозной тишине, и мне кажется, что эта дорога ведёт не к дому, а в далёкое детство.

Цветение княжика крупнолепесткового в Зейском заповеднике

Зейский заповедник

Жанр «Проза», 3 место

Виктор Дмитриевич Романцов родился в селе Сосновка Серышевского района (ныне – муниципальный округ) Амурской области. Получил высшее педагогическое образование. Любовь к родному краю, его истории, жизни своих дедов и прадедов побудили Виктора Романцова начать исследовательскую и писательскую деятельность. В течение 2012–2022 гг. в издательстве «Царское слово» вышли восемь его работ под общим названием «Переселенцы».

В районной газете «Зейский вестник» (г. Зeya) публикуются его статьи об истории города и района, о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и участии в ней местных жителей. Виктор Романцов продолжает исследовательскую и писательскую работу. Для сбора материалов исторической тематики Виктор Романцов постоянно поддерживает связь с архивами Москвы, Владивостока, Благовещенска и Хабаровска.

ВИКТОР РОМАНЦОВ

НЕПОКОРЕННАЯ РОССИЯ

(К 102-ой годовщине освобождения города Зей от японских интервентов)

*«Знание прошлого Отечества
делает человека богаче духом,
твёрже характером и сильнее разумом».
В. С. Пикуль*

События давних лет

Всё дальше и дальше уходят от нас, живущих в XXI веке, героические и, вместе с тем, трагические события первой четверти уже ушедшего XX века. Не только молодые, но и люди старшего поколения, родившиеся в 40–50-х годах прошлого столетия, мало знают или совсем не слышали о грабежах, разбоях и массовых расстрелах красногвардейцев, партизан и местных жителей японскими интервентами с участием амурских казаков, которые произошли на территории нашего Зейского района в 1918–1920 годах. Немногие из старожилов зейской земли смогут объяснить, кто такие Кошелев Ф.И., Боровинский Г.П., Белоусов А.Ф., Малых П.П. и Жуков Л.А., фамилии которых закреплены в названиях улиц и переулков в городе Зeya. А уж о таких, как Бабинцев П.А., Белятко П.А., Сугайло М.П., Дудин И.Е., Зацерман Д.В. и Кочерга И.С., многое сделавших для восстановления власти Советов на территории района, наверное, знают лишь единицы из ныне живущих в городе людей.

Только по письменным источникам мы можем судить об этих людях, творивших историю в те годы. Поиски дополнительных материалов о событиях тех лет в архивах, газетных публикациях не всегда заканчиваются успешно. Бурные события прошлого столетия в мире (когда разрушались города, перекраивались границы и исчезали целые государства), не пощадили и архивы. Многие из них, в том числе и отдельные документы, исчезли бесследно. Великое счастье для историка, исследователя или просто любознательного человека, если ему удаётся найти отдельные выписки или небольшой клочок с записью по интересующемуся его вопросу.

Мне несказанно повезло, что на моём жизненном пути встретился человек не равнодушный, любознательный, знаток местности, где он родился, Плыгун Валерий Павлович, ныне житель города Благовещенска.

С детских лет его интересовали вопросы истории заселения Дальнего Востока и особенно Зейского района. По крупицам он собирал,

записывал всё, что помнила его мама, старожилы села Умлекан, уроженцем которого он является.

Чтобы почувствовать величайшую победу амурских партизан в 1918–1920 годах, изгнавших японских интервентов с нашей земли, современному читателю будет полезно узнать не только об их отдельных успешных операциях в годы Гражданской войны (1918–1922 г.г.), но и о кровавых злодеяниях интервентов на зейской земле, и в целом – на Дальнем Востоке.

Устами матери

Об одном из таких эпизодов Гражданской войны и иностранной интервенции на территории нашего района рассказывает Валерий Павлович словами своей матери – Плыгун (Раздобреевой) Валентины Никандровны.

«В голодные послевоенные годы семья осталась без кормильца. Отец ещё не вернулся с фронта. Приходилось со старшей сестрой во всём помогать маме. У неё болели ноги, застуженные после работы в шахте по добыче угля в городе Балей Читинской области, откуда мы переехали сразу после войны. Особенно тяжело пришлось при заготовке дров для отопления нашей ветхой хатёнки. Поваленный сушняк и хворост мы «притягивали» на саночках через кустарник и оголённые камни с Рублёвского острова. Пока дотянем, в слезах и синяках, выматывались полностью. Мне тогда было шесть лет, а Галине, старшей сестре, – десять. С приходом к нам в 1948 году на «постой» демобилизованного солдата, бывшего партизана в японскую интервенцию Колесникова Ивана Ивановича (в деревне его называли «Иван безносый») стало легче. Он взял на себя задачу по обеспечению семьи дровами, а меня привлёк в помощники: «Ты, Валя, посматривай на речку, нашу Зею, она сама нам дрова принесёт. Увидишь плывущее бревно, мне сразу скажи».

Завидев проплывающее бревно, мы с дедом Иваном (ему уже тогда было под шестьдесят), сели в деревянную лодчонку и прибуксовывали его к берегу. Так на зиму и накапливали брёвна. Ближе к заморозкам, когда брёвна подсохнут, мы их пилили на козлах. Я маленькая, едва успевала пилу тащить в свою сторону. За работой дед Иван рассказывал о своей лихой молодости, о партизанском прошлом, том, что воевал в трёх войнах.

– Я участвовал в трёх батальях: в Финскую, Великую Отечественную прошёл до конца, и в Гражданскую с японцами. Вот японцы-то мне нос и отрубили! Я воевал! Не отсиживался в обозе! Был закалённым, уж страсть, как баню любил: парюсь, парюсь в верхонках, аж кожа от жара горит. Выбегаю в снег – затем

опять в баню. Воду на каменку – жар! И снова парюсь с веником! А веники берёзовые мы заготавливали. Был закалённым! Это меня и спасло! В январе, во время японского нашествия, отпросился у командира отряда Фёдора Кошелева сходить к сестре в деревню в баньке попариться. В Умлекане, занятом японцами, жила сестра Матрёна Ивановна Вигзалова (Колесникова). Чтобы не привлечь внимания, в бане свет не зажигал, подсвечивал лучиной. Помылся, напарился и сестре говорю, чтобы не подвергать тебя опасности, в избе спать не буду, буду спать в стоге сена. Она мне: «Так я тебе давай в подполье постелю, всё теплее будет». Но я настоял на своём – в сене не замёрзну. Но меня высмотрел и сдал японцам соседский мальчишка – были тогда и такие.

Японцы нагрянули к сестре, всё перевернули. Искали с уверенностью, что найдут. И подпол, и чердак, всё осмотрели. В доме не нашли, в стайке для скота – тоже нет. Подходит японец к стогу сена и шашкой в стог. С одной стороны воткнул – пусто, с другой зашёл, воткнул – пусто. С третьей стороны вонзил в стог и остриём клинка пронзил каблук моего сапога, вытащил сапог, а следом и меня. Хорошо избил, связали и в чём я был, и заперли в сенцах, перед входом в дом, где размещался японский штаб на берегу реки.

За ночь проморозило, а нос связанными руками не отогреешь: обмёрз, белый. Рано утром японский дозор захватил на правом берегу Зеи пустой обоз с двумя парнишками из села Сиан. По всему было видно, что ребята доставляли продукты партизанам другого отряда и возвращались домой уже порожними. Ребятам было около десяти и шести лет. С них и начали допрос: «Где партизаны?». А они молчат. Японский офицер в ярости, избивают, а они словно воду в рот набрали. Молчат! «Утопить!», – кричит. Ребят вывели и за меня взяли. Ввели меня обмороженного в избу, поставили перед офицером. Он сидит спиной к окну и допрашивает: «Где партизаны?». А я молчу и вижу через его голову, в окно, как ребят подвели к проруби, из которой поят лошадей, накинули на шеи увесистые камни и кричат: «Где партизаны?». Они молчат. Тут первого, старшего, толкнули, а затем и младшего схватили, а он как закричит нечеловеческим голосом, в ужасе: «Мама, я боюсь!».

Чувствую, как у меня волосы от увиденного встали дыбом. Стою и думаю: «Если дети ничего не сказали, то и я стерплю. Молчать буду, пусть топят». И тут конвойный перешёл к избиванию, достал шашку и тыльной стороной рубанул по лицу. Обмороженный нос на шкурке и повис. Ничего не добившись, повели топить.

К этому моменту прибежала сестра. Вся растрёпанная от бега. Упала на колени перед офицером, вскинула руки к небу, плачет и причитает: «У него дети, не топи. Если ты его утопишь, то у тебя жизни не будет. Ни жены, ни детей, ни родителей, никого не будет. Всех бог заберёт». Японец толмачу-переводчику: Переведи!». После услышанного приказал меня избить и отпустить: «Если ещё раз поймем, расстреляем...». Избили так, что не мог ни встать, ни пошевелиться. Помню, что меня под одну руку сестра взяла, под другую – дед старый. Так они меня вдвоём и дотащили.

За день у сестры отлежался, а как стемнело, стал собираться в отряд. Сестра: «Не пушу!». Я говорю, что обязан уйти в отряд и всё командиру рассказать.

Командир выслушал и говорит: «У нас есть сведения, что скоро японцы большим отрядом в город Зея выдвинутся. Мы их будем ждать. Устроим засаду и никого не жалеть. Они наших детей не пощадили, и мы их щадить не будем».

На выходе из села в сторону города есть длинное озеро, вдоль крутой сопки. На сопке устроили блиндаж – щель в земле, обложенная по периметру брёвнами. Был у нас в отряде пулемётчик – браваый дед с бородой, что лопата. Установил он пулемёт в блиндаже и говорит: «Сходи, Ваня, к обочине дороги (а до неё метров пятьсот) и поставь кол берёзовый». Я установил его за дорогой, и дед с пулемёта короткой очередью кол этот, как срезал. «Вот теперь будем ждать», – сказал он после этого.

Через несколько суток, рано поутру выдвинулась на город большая колонна японцев. Как только она поравнялась с блиндажом, дед начал строчить из пулемёта. Много японцев положил, а кто живой остался, врылись в снег. Только кто голову поднимет – дед стреляет. Только отползать – дед опять строчит. И так дотемна в снегу продержал. Кого пуля не зацепила, те помёрзли. Оставшиеся в деревне японцы пытались обойти сопку, взять блиндаж, но партизаны сдерживали подход, отбивали атаки. К вечеру всё стихло. Партизаны отошли, а японцы ещё долго выносили трупы с заснеженного поля.

Партизанский триумф

В конце августа 1919 года объединёнными силами амурские партизаны провели крупнейшую операцию на железной дороге, вошедшую в историю, как «Капитальный ремонт Амурки». Огромный размах партизанского движения в области вынудил японских интервентов 3 февраля 1920 года сначала объявить о своём нейтралитете, а затем эвакуироваться.

8–10 марта 1920 в город Благовещенск вошли партизанские отряды. Советская власть была восстановлена. Ещё раньше, 20 февраля, она была установлена в городе Зея.

Приамурье было освобождено от иностранных интервентов и белогвардейцев, большая часть которых бежала в Маньчжурию. Эта победа нам далась нелегко. Почти половина здоровых, трудоспособных мужчин нашей области погибла или была искалечена в ходе кровавой мясорубки Первой мировой и Гражданской войн. Около четверти рабочих лошадей были реквизированы: изъяты у крестьян для нужд, как партизан, так и белогвардейцев, и японцев. Японскими карателями с участием амурского казачества разрушено более 40 населённых пунктов в пределах области, сожжено дотла 16717 построек, разграблено, в общей сложности, 5775 крестьянских хозяйств. Добыча золота сократилась с 1500 до 70 пудов, посевная площадь в области сократилась на 40 процентов.

За эти годы в Японию вывезено более 650 тысяч кубометров леса, были угнаны в Маньчжурию свыше двух тысяч железнодорожных вагонов, более 300 морских и речных судов, что в целом составило убытков на сумму 400 миллионов золотых рублей. Одним из самых крупных расхищений имущества Российского государства со стороны японских интервентов при соучастии белогвардейцев было переправлено в японский государственный банк «Банк Японии» («Нихон Гинко») 2672 пудов золота (20 тонн 466 кг) на сумму 25 580 000 золотых рублей (золото не возвращено до сих пор). Адмиралом Колчаком для закупа вооружения Белой гвардии передано из золотого запаса Российской Федерации: американцам – 2118 пудов, англичанам – 2883, французам – 1225 пудов. Атаманом Семёновым было захвачено 32800 кг драгоценного металла на сумму 42 251 020 рублей, а с 33 миллионами рублей золотом он бежал в Японию, которые сдал на хранение в банк этой страны.

Таковы итоги «деятельности» интервентов, «освободителей от коммунизма», на нашей территории с 1918 по 1920 годы. А цель у них была одна: *«Союзники должны пригласить Японию войти в Сибирь, захватить Сибирскую железную дорогу и богатые области, лежащие на восток от Урала, и создать из Азиатской России противовес Европейской России, – призывала 5 марта 1918 года английская газета «Дейли Мейл». – Каждый день промедления выполнения этого плана является потерей для жизненных интересов и союзников в Японии».*

Общая информация об интервентах:

Примерное число иностранной живой силы на Дальнем Востоке:

- 50 000 – чехи,
- 28 000 – японцы, позднее – 70 000,
- 7500 – американцы,
- 4000 – канадцы,
- 4000 – румыны,
- 2000 – итальянцы,
- 1600 – англичане,
- 760 – французы.

История повторится через двадцать лет – 22 июня 1941 года. В этот день вместе с Германией на территорию Советского Союза вторглись войска Румынии, Финляндии, Италии, Венгрии, Словакии, Хорватии, Австрии. В рядах фашистской Германии сражались всевозможные добровольческие формирования или, как они себя называли – «борцы с большевизмом», из Голландии, Дании, Норвегии, Швеции, Франции, Испании. А одним из главных

союзников Гитлера была Румыния, объявившая нам войну 22 июня 1941 года, одновременно с Германией. То есть, в этот трагический день Советский Союз столкнулся с военной мощью всей континентальной Европы.

Интересы стран Запада и США в отношении России остались прежними, и это несмотря на то, что у нас сейчас совершенно другой общественный и политический строй, и нет у власти так «ненавистных» для них большевиков-коммунистов. Видимо, из уроков прошлого эти страны не сделали для себя должных выводов. США, Великобритания и страны Евросоюза, всего 48 «недружественных» нам стран, объявили нам санкции и вновь покушаются на нашу территорию.

Этого тоже забывать нельзя!

Хинганский заповедник

Зейский заповедник

Жанр «Поэзия», 1 место

Татьяна Анатольевна Митрофанова – участник «Литературной гостиной» Зейской городской библиотеки. Родилась в городе Хабаровске в семье военного. Потом семья переехала в Амурскую область в город Белогорск. В связи со службой отца переехали сначала в Чагоян, затем – в Ураловку Шимановского района. С 1976 года жизнь связала её с городом Зея, где она живёт до сих пор.

Первые стихи начала писать в старших классах, увлечение поэзией продолжилось в институте. Печаталась в газетах. Кроме стихов пишет рассказы, небольшие повести.

Публиковалась в местной печати, в сборнике «На Зейской волне» литературного объединения «Первоцвет» города Зеи. В 2018 году выпустила первую свою книгу стихов и рассказов «Пересечение».

Победитель III и IV областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2019, 2021 гг.).

ТАТЬЯНА МИТРОФАНОВА

ПОД РЖЕВОМ

В сорок третьем под Ржевом
Вся земля порыжела
От запекшийся крови
Наших русских солдат.
И теперь они в вечность,
Прямо в небо беспечно,
Оперившись крылами,
Журавлями летят.

Молодые ребята...
Все мечтали когда-то
Полетать в самолетах,
Стук колес испытать.
Но пошла здесь пехота
На немецкие доты,
И остались солдаты
В земле ржевской лежать.

Многим песни не спеты,
Души их не отпеты,
Не у всех есть могилы,
Нет у в списке имен.
Только клич журавлиный
Над притихшей равниной
Нам доносит с повинной
Тайну прошлых времён.

Ваши матери, жёны,
Тем огнем обожжены,
Ждут и помнят, и верят,
Что когда-то весной
Вдруг откроются двери
В этом храме доверья,
И восполнят потери
Хоть бы строчкой скупой.

Никогда не забудем,
Помнить вечно мы будем
Этот подвиг великий
Тех великих побед.
Чтобы в небо крылато
Уходили ребята,
Оставляя России
Нашей жизни привет.

ЕКАТЕРИНА

Рассуждения у памятника

Умна, горда и многолика,
Ты, немка, русская до слез,
Не зря на пьедестал великий
Народ тебя вознёс.

Тебя на трон ввели солдаты,
Мятёжной волей двух орлов.
Пусть не наследница Петра ты,
В тебе его кипела кровь.

Страной ты правила, играя
На судьбах, вверенных тебе,
Врагов крушила, созидая
Оплот на выжженной земле.

Разбила турок, смуту смяла,
И, самозванцев не щадя,
Сама свою судьбу меняла,
Порой с потерей для себя.

Областной литературный конкурс «Земли родной талант и вдохновенье»

Орлов, Потёмкин и Суворов
Являли важные дела,
И, не смотря на все раздоры
Ты их любила и вела.
    Вела на подвиги, на славу,
    На освоение земель,
    Царицей стала ты по праву-
    Твоя Россия колыбель!
Словам мудрейших ты внимала,
Не чужд тебе был дух крестьян,
И ты прекрасно понимала,
Где правда здесь, а где обман.

В одном лишь не познала счастья,
В любви и детях, без греха.
Не раз бросалась ты в объятия
Очередного жениха.
    Но трон ни с кем не разделила,
    Таков начертан твой удел,
    Сама судьбу страны творила,
    Свершив немало славных дел.
Петра из бронзы изваяли,
Он смотрит вдаль, через века,
Сама теперь на пьедестале,
Стоишь, как он же, велика.

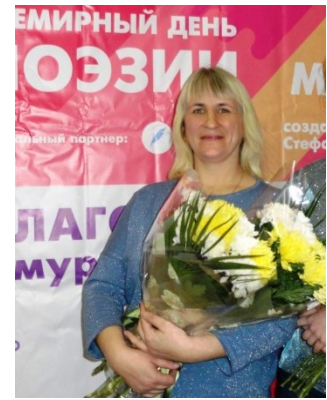
Жанр «Поэзия», 2 место

Виктория Михайловна Хаустова родилась в городе Белогорске Амурской области. Окончила Белогорский технологический техникум по специальности «продавец-бухгалтер». Занималась предпринимательской деятельностью.

Заочно окончила Амурский колледж искусств и культуры по специальности «Социально-культурная деятельность».

Литературным творчеством увлекалась с детства. Первые стихи были напечатаны в газете «Сигнал» города Белогорска в 2003 г. Стихи автора неоднократно печатались в газетах «Амурская неделя», «Сигнал», «Хорошая газета в городе Б», в сборнике стихов белогорских авторов «Прикосновение» (2004), в альманахах «Приамурье» разных лет и «Амурская лира: Избранные строки амурской поэзии» (2011).

С 2005 года В. М. Хаустова является членом литературной студии города Белогорска.

ВИКТОРИЯ ХАУСТОВА

ГОСТЬ СТОЛИЦЫ

Он не по моде был одетый –
Пиджак заметно жал в плечах;
Он будто был с другой планеты,
Где ходят строго в кирзачах.

По Красной площади столицы
Он меньше часа погулял:
Смотрел сквозь рыжие ресницы
На башню Спасскую Кремля,

На Мавзолей, собор Покровский,
Затем пошёл в московский ГУМ,
Где съел котлету «по-московски»,
Испачкав соусом костюм,
И поспешил на электричку.
Чтоб даром время не терять,
Купил в метро табак и спички,
А также новую тетрадь.

Добрался Он почти к обеду
И, с аллергией на духи,
Привёз в московскую газету
Свои амурские стихи.

...Во сне Он видел, как реально
Кричал редактор: «Супер! Класс!
Стихи, бесспорно, гениальны!
Я подпишу в печать сейчас!».

Но всё пошло не так, как надо:
Редактор длительно молчал,

Смотря в тетрадь сверлящим взглядом,
Потом неспешно пробурчал:

«Гляжу, твердить Вам бесполезно,
Что Вы – не Блок и Карамзин.
Таких стихов у нас, любезный,
Хоть на КАМАЗе вывози.

Сейчас поэты – пчёлы в улье,
Что разучились делать мёд;
Да и стихи о Приамурье...
Скажите, кто их здесь поймёт?

На поэтических страницах
Мы публикуем блеск и лоск!
У нас – Москва! У нас – столица,
А не какой-то Белогорск...».

... И вышел Он из кабинета,
Держа за пазухой тетрадь...
Вокруг цвело и пахло лето –
Совсем не время унывать.

Он прогулялся по Арбату,
Придумал тему для стиха,
Купил билет в Большой театр
И посетил ВДНХа.

Он не был слишком опечален,
Что не сумел мечты достичь –
Он был обычный амурчанин,
А не какой-то там москвич.

Один из обитателей Зейского заповедника

Зейский заповедник

Жанр «Поэзия», 3 место

Раиса Ивановна Шумакова родилась 28 апреля 1958 г. в д. Апажа Брянской области. В 1961 г. она с родителями и старшей сестрой по переселению приехала в Амурскую область. Сначала в село Улунга Зейского района, позже переехали в село Умлекан.

В 1973 г. она поступила в Благовещенское педагогическое училище № 2, по окончании которого получила диплом по специальности «Преподавание черчения и рисования». С 1977 по 2008 гг. работала в Чалбачинской школе Зейского района. Награждена нагрудным значком «Отличник народного просвещения».

Раиса Ивановна – участник литературной гостиной Зейской городской библиотеки. Участник и призер разных творческих и литературных районных и областных конкурсов. Увлекается живописью и вязанием.

В настоящее время живет в селе Овсянка Зейского муниципального округа.

РАИСА ШУМАКОВА

ХЛЕБ

Мне запах хлеба с детства был знаком,
Когда мать хлеб из печки вынимала.
Горячие буханки ставила на стол
И сверху полотенцем прикрывала.

А по деревне запах расходился,
И мы с сестрой скорей бежали в дом,
Чтоб запахом тем, хлебным, насладиться
И чтоб тайком насытиться куском.

Ещё другой я помню запах хлеба,
Когда мы шли с сестрой к отцу с обедом.
И запах поля, где росла пшеница,
Тот запах до сих пор не смог забытья.

И с запахом солярки вместе с потом
Отец наш приходил всегда с работы.
Еще я помню запах на току,
Куда пшеницу с поля привозили.
Лопатой разгружала мать, сушила.
Затем мешки с зерном в амбар несла.

Я цену хлеба с детства поняла,
Когда ласкала мать шершавую рукою.
И, глядя на мозоль, спросила я:
«Скажи мне, мама, что это такое?».

В ответ, я помню, мама улыбнётся
И пристально посмотрит мне в глаза:
«А это, дочка, хлеб так достаётся,
Расти быстрее, попробуешь сама».

Я цену хлеба с детства поняла,
Когда подростком взрослым помогала.
В моих руках такая боль была,
Мозоли лопались, и кровь по ним бежала.
Тогда я цену хлеба поняла!

Жанр «Проза», 1 место

Светлана Анатольевна Кулигина – сотрудник Централизованной библиотечной системы Тамбовского муниципального округа. Проживает в селе Тамбовка Амурской области. По образованию – учитель русского языка и литературы, капитан внутренней службы в отставке.

Печаталась в альманахах «Приамурье», «Амур», «Зеленая лампа».

Победитель Всероссийского конкурса «Хрустальная Сова» среди работников уголовно-исполнительной системы в номинации «Поэзия» в 2011 году, III областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2019 г.). Автор нескольких детских книг.

СВЕТЛАНА КУЛИГИНА

ВОВКА И ВОЛК

Эта удивительная история произошла в одном маленьком северном посёлке Синегорка, где жили наши герои, будучи ещё мальчишками. Сейчас они повзрослели, но этот случай не позабыли и рассказали его мне. Могло ли рассказанное ими произойти на самом деле? Судите сами.

Посёлок Синегорка – крохотный островок среди бескрайней северной тайги. С трёх сторон он окружён сопками, обросшими густым лесом, а с севера его огибает холодная каменная река. Синегорку пересекает железная дорога и делит её на две неравные части: большую и совсем маленькую – жители называют её Пригорки.

В Пригорках всего три улицы. Кроме жилых домов здесь ничего нет. Чтобы попасть из Пригорки в центр посёлка Синегорки самым коротким пешим путём, нужно перейти через железнодорожные пути, затем по тропинке пересечь небольшой лесок, за ним пройти через огромный луг с каменистыми бугорками. И только после этого выйдешь на главную улицу. А в центре есть и почта, и школа, и детский сад, и разные сельские магазины.

Дорога из Пригорки в центр – целое путешествие. Особенно приятно совершать его летом: маленький лесок и луг густо покрыты земляничником, кустами белой и розовой кашки, зарослями пижмы и колокольчиков. Можно посидеть на бугорках в зарослях высоких трав и посмотреть на проезжающие со свистом и грохотом поезда.

Но наша история произошла зимой, когда и посёлок, и лес, и луг накрыли глубокие снега, а ароматы цветов и земляники сменились на запах дыма из печных труб, разносимого ветерком от окрестных домов. Морозы в Синегорке лютые, людям приходится топить печи по три раза в день, а путешествуя с окраин посёлка в центр, можно приморозить нос и щёки.

Вовка и его товарищи Жорка и Андрей, ученики пятого класса, жили в Пригорках. Путь в школу занимал примерно полчаса. Мальчишек морозом не напугать – не такой они народ, чтобы сидеть дома в лютую стужу! В тот год их пятый класс перевели во вторую смену: вставать рано не нужно, и утренние морозы можно пересидеть дома. Но после уроков приходилось возвращаться по темноте. Фонари были только в посёлке и у железнодорожной насыпи, а лесок и поле освещала луна. Дорога в школу занимала у мальчишек намного больше времени, чем дорога домой: на уроки ноги шагать отказывались. Интересовало всё: проходящие поезда, глубокие сугробы, знакомые собаки, ребята, которые возвращались домой с уроков в первую смену. А вот домой друзья шагали «весёлыми» ногами – подгонял голод и крепчавший к ночи мороз.

Пятнадцатого декабря день был солнечным и морозным, а настроение отличное – ведь скоро зимние каникулы! Жорка и Андрей, как всегда, зашли за Вовкой, привычно постучали в окно его спальни. Вовка кинул в портфель сосиску с булочкой, натянул куртку

и шапку и выскочил из дома.

– Привет!

– Не опаздываем? – спросил Вовка.

– Да вроде успеваем, – буркнул Андрюха, щурясь от яркого солнца и белого снега.

– Первый урок литература, опоздаем – ничего страшного, – деловито добавил Жорка.

– Зато вторым математика, – вздохнул Вовка.

– Да плюнь, может, пронесёт. И что она до тебя докопалась, эта математичка? – сочувственно произнёс Андрей.

– Это точно. Видно же, что человек не математик, – поддержал Жорка.

Мальчики перешли через железнодорожные пути и спустились по тропинке в лесок. Андрей принялся рассказывать, о том, как недавно с отцом ездил на зимнюю рыбалку, на хариуса, друзья не без зависти слушали.

– Мы с батей прямо в палатке костёр развели, на льду, прикинь, ребята...

Вовка слушал Андрея и смотрел в лес. Вдруг он остановился и замер в изумлении.

– Волк!

Андрей и Жорка тут же притормозили и повернулись к Вовке. Затем перевели взгляд в сторону леса, туда показывал рукой их друг. В метрах пяти от тропинки, действительно стоял самый настоящий волк – огромный, серобелый, с жёлтыми, яркими, как звёзды, глазами. Сначала заорал Андрей и бросился наутёк, за ним ринулся Жорка. Он был толстоват и неуклюж, поэтому уже через пять-шесть шагов упал, но быстро поднялся и побежал с такой скоростью, что обогнал преуспевающего в спортивных достижениях друга. Вовка же стоял как вкопанный. Зверь был так близко, что бежать не было смысла. Мальчик с ужасом смотрел в глаза-звёзды волка и не мог пошевелиться. Зверь медленно, чуть прихрамывая, подошёл к Вовке, качнул головой, как бы приносиваясь, и произнёс вполне человеческим голосом:

– Не бойся. Есть что-нибудь поесть?

Вовка, не сводя глаз с волчьей морды, дрожащими руками снял ранец, нащупал пакет с сосиской, вынул и протянул зверю. Тот аккуратно взял еду, и, не спеша, съел. Потом посмотрел на Вовку.

– Спасибо.

– П-п-пожалуйста.

Вовка был ошарашен и изумлён поведением волка, особенно его человеческой речью.

– Ну что же ты ждёшь? Догоняй своих товарищей.

Вовка понимал, что можно и нужно уйти, но что-то его останавливало. Он не мог просто так отправиться в школу и забыть невероятную встречу.

– А разве волки разговаривают по-человечески? – робко спросил он.

Зверь сел на тропинку и внимательно посмотрел мальчику в лицо.

– Бывает.

Некоторое время прошло в напряжённом молчании.

– А почему ты хромаешь?

– Я поранил лапу и отстал от своей стаи. Придётся сидеть здесь, пока не заживёт.

– Ты, наверное, голоден?

– Благодаря тебе, уже сыт, – волк шевельнул хвостом, взгляд его потеплел.

– Понятно. – Вовка думал, о чём бы ещё спросить. Расставаться с волком ему не хотелось.

– Меня зовут Вовка, а тебя?

– Зови меня Серый.

– Серый...

Удивительно, но Вовка был абсолютно спокоен. Он внимательнее оглядел своего необычного знакомого. Волк был действительно серый, но морда, грудь и лапы переливались на солнце целой палитрой оттенков белого, чёрного, серого, рыжеватого. Шерсть грубая, но пушистая, яркая; тело сильное и мощное. И глаза – звёзды. Таких глаз Вовка никогда не видел.

– А можно тебя погладить?

– Отчего же нет?

Вовка робко провёл рукой по голове Серого, потом почесал его за ухом.

– Серый, расскажи о себе. Только пойдём в лес, а то нас кто-нибудь увидит.

Они прошли вглубь леса. Волк развалился на снегу, Вовка совсем осмелел, улёгся рядом, и даже положил голову на мягкий бок Серого. Мальчик смотрел на небо и слушал. Волк рассказывал о своей стае, об отце и матери.

– Мама меня очень любила и баловала. А отец научил меня всему, что умел сам. Он хорошо знал, как это называют у вас, людей, географию, ботанику. И был очень наблюдательным. Знал все растения в нашем краю, повадки животных, мог без труда ориентироваться по звёздам, предсказывать погоду по приметам.

– А ты можешь предсказывать погоду?

– Могу.

– А ну скажи, какая завтра будет погода?

– Морозная, конечно! — важно проговорил волк, лукаво скосил глаза и смешно поднял вверх огромную когтистую лапу. Незаметно подступили сумерки. Вовка спохватился: уроки кончаются, пора домой.

– Завтра жди меня здесь. Я принесу еду и мазь для лапы. Мама делает с берёзовыми почками – всё вмиг заживает!

Вовка пришёл домой и засунул портфель под кровать. Вскоре с работы пришла мама, отец прибыл из поездки – он работал машинистом тепловоза. Всё было как всегда: поужинали и разошлись по своим комнатам. В восьмом часу вечера в окно Вовкиной комнаты тихонько постучали. Мальчик выскочил на улицу, там его ждали Андрей и Жора.

– Живой? – Пацаны ринулись навстречу другу.

– А мы все уроки думали – поднимать бучу или не поднимать. Если скажем про волка, нас трусами назовут. Скажут, бросили товарища в беде, и убежали, – с жаром произнёс Андрюха.

– Да мы знали, что всё будет нормально. А ты почему в школу не явился? Штаны, наверное, пошёл менять после встречи-то с волчицей? – Мальчишки захохотали. Вовка тоже улыбнулся Жоркиной шутке.

– Типа того, – ответил Вовка. – А про меня в школе спрашивали?

– Как же?! Конечно, спрашивали. Только мы тебя выручили – сказали, что заболел. Ангиной.

– Молодцы!

– Ладно, мы по домам. Честно говоря, страшновато было к тебе идти. Вдруг тебя волк сожрал! И что маме твоей говорить?

– Ладно, шагайте уже домой, фантазёры. До завтра.

Вовка попытался быстрее закончить разговор. Счастливые Жорка и Андрюха вприпрыжку разбежались по домам. С их души свалился камень – они и впрямь думали, что Вовки уже нет в живых.

На следующий день история повторилась. После бегства друзей, Вовка и волк отправились на своё прежнее место под старую лиственницу. Мальчик наломал пушистых еловых веток, сделал лежанку, укрыл её старым покрывалом, принесённым из дома. Сегодня учебники остались лежать под кроватью, а ранец наполнился более важными вещами: кроме покрывала, туда отправились куски колбасы, вчерашние блины, корки хлеба и лекарства. Вовка вытащил из портфеля мазь и бинт, смазал и забинтовал Серому лапу. Затем они улеглись на хвойную лежанку.

– А что ты больше всего любишь? – спросил Вовка. Мальчик кормил волка из рук «колёсиками» копчёной колбасы, иногда закидывая кусочек-другой и в собственный рот.

– Трудно сказать, — задумался волк. – Наверное, считать звёзды.

– Считать? — сморщился Вовка. – А я считать терпеть не могу. Мне из-за математики даже в школу неохота идти!

От возмущения Вовка даже вскочил на ноги.

– А ещё эта Зоя Павловна. Каждый день к доске вызывает! «Не переживай, Владимир, я из тебя человека сделаю!» Представляешь?! Человека! Как будто я не человек! Да лучше б я волком был. Бегал бы по лесам – свободный, вольный! Как ты!

Вовка улёгся на спину и закинул ногу на ногу.

– Тебе учиться надо, – серьёзно произнёс Серый. – Ты не зверь, в тайге жить не сможешь. Это нас ноги кормят, а вас – ум и знания.

– Рассуждаешь, как мой отец, – обиделся Вовка, – Расскажи лучше про звёзды.

Друзья устремили взоры к гаснущему небу.

– Скоро Венера появится. Она первая видна на вечернем небе. Только это не звезда, а планета. Хочешь, научу различать?

– Конечно, хочу!

– Смотри, звезда мерцает, как будто дрожит. А планета нет, она горит ровным светом.

– Здорово! А сколько на небе звёзд?

– Я насчитал пока тысячу двести пятнадцать. Лучше считать в августе, когда млечный путь хорошо виден. И не здесь, а в Большой Омутной.

– В Большой Омутной? – повторил Вовка. – Это где?

Волк вздохнул и сверкнул глазами.

– Большая Омутная – это моя родина. Знаешь, что такое родина?

– Это такая станция, где ты родился.

– Вроде того, – ответил Серый. – Туда и возвращалась моя стая, когда я отстал.

– И твои друзья тебя бросили?

– Нет. Волки никогда не бросают своих старых и раненых товарищей. Я сам захотел остаться и уговорил их продолжать путь. Как только лапа подживёт, пойду на Большую Омутную.

– А как ты дорогу найдёшь?

– По звёздам, конечно. А ещё у волков очень хороший нюх. Знаешь, я могу оленя за два километра учуять.

– Да ну, врешь! Сейчас я тебе экзамен устрой!

Вовка встал, завязал волку глаза своим шарфом, схватил корку хлеба и начал закапывать её в снег то в одно, то в другое место. Серый безошибочно находил приманку, пытался её проглотить, но Вовка вырывал корку из зубастой пасти и снова прятал его в снегу. Игра развеселила товарищей: они уже кувыркались в пушистых сугробах в темноте, кусали друг друга за носы и уши, Вовка визжал и хохотал,

Серый рычал и скулил.

– Ты выть умеешь?

– А как же.

– Ну-ка, повой!

Серый сел и поднял морду к небу, Вовка спохватился и закрыл ему пасть руками.

– Да ты что? Я пошутил! Сейчас все собаки сбегутся, а может и охотники с ружьями!

На следующий день Вовка притворился больным. Ребята зашли за ним, но увидев друга с перемотанным горлом, всё поняли без слов и побрели в школу. Вовка подождал минут десять и помчался в лес.

– А тебя мать не накажет, за то, что ты продукты берёшь? – спросил серый.

– Хм, обычное дело! У нас в школе столовая не работает – повариха уволилась. Так мы еду с собой таскаем.

– И всё же совестно...

– Забудь. Ты лучше скажи, а почему из Большой Омутной звёзды лучше видно?

– Когда вырастешь, поймёшь.

– Вот ещё! Я сейчас хочу. Ты объясни.

– Хорошо, постараюсь. Понимаешь, на родине звёзды светят ярче.

– Это почему?

– Не знаю. Там и вода чище, и снег пушистее и саранки слаще.

– Саранки? Да разве их едят?

Волк задумался и посмотрел куда-то вдаль.

– Когда я был маленький, думал, что саранки – это не цветы, а красные сладкие бабочки. Я откусывал их и глотал. Весь нос был в пыльце. Какие они были вкусные! Здесь таких нет.

– Потому что здесь не Большая Омутная?

– Наверное.

– А грибы там у вас растут?

– Сколько хочешь! Подосиновики, подберёзовики, боровики, красные маслята и даже грузди. В детстве я любил наблюдать за грибниками. Найдёт человек полянку полную грибов, ползает, молча, по земле – корзину наполняет. Товарищи волнуются: зовут, аукуют, а он – ни звука, пока не соберёт все до последнего гриба.

– Это от жадности?

– Скорее, от малодушия.

– А что такое малодушие? Это когда мало души?

– Понимаешь, когда тобой овладеет трусость, или зависть, жадность, или злость – душа становится холодная, как лёд, и маленькая, и твёрдая, как камешек.

– Я знаю, со мной такое было – признался Вовка.

– Со всеми было.

– И что делать?

– Прогонять, конечно. Жадность, трусость, зависть, лень. Сразу станет легко: душа станет лёгкой и большой.

– И будет великодушие?

– Можно сказать и так!

Друзья замолчали. За лесом промчался поезд.

– Серый, а почему ты меня не съел?

Волк сел и прикрыл хвостом лапы, совсем как собака.

– С чего ты взял, что волки едят людей?

– Да ты что? Нам с детства об этом рассказывают. Разве волк ни злейший враг человека?

– Есть глупые люди, и есть глупые волки. А вообще, самые опасные существа для человека – комары.

– Шутишь? Какой вред от комаров? Ну, покусает малость – не смертельно!

– Между прочим, от комариных укусов в год умирает до миллиона человек. Они переносчики опасных болезней. Не знал? Чему вас только в школе учат.

Вовка вздохнул, вспомнив школу.

– Серый, откуда ты всё знаешь? У волков разве есть школы?

– Нет у нас школ, к большому сожалению.

Просто мне отец много интересного рассказывал.

– А в Большой Омутной все такие умные?

– Все. Умные и добрые.

Две недели Вовка прогуливал школу и ходил в лес к Серому. За это время они крепко подружились. Когда мальчику становилось зябко, волк согревал его своим телом. За это время Вовка многое узнал: волк научил его определять по звёздам стороны света, рассказал о полезных и ядовитых растениях тайги, о повадках животных и жизни насекомых. Но больше всего Серый рассказывал о своей родине – Большой Омутной. Казалось, он держал в памяти каждую травинку, каждый кустик, каждый ручеёк своей родной земли. Вовке Большая Омутная представлялась сказочным местом: волшебные алые закаты, прохладные таинственные лунные ночи, гиганты-деревья, реки с живой водой. Там, в далёкой чудесной стране, усыпанной брусникой и голубикой, цветы были ярче и ароматнее, травы целебнее, воздух прозрачнее. Ночами Вовка представлял себе родину Серого и мечтал хоть одним глазком увидеть это сказочное место.

Шло время. Волчья лапа быстро заживала, и Серому пора было отправляться в путь. Но Вовка не без труда уговорил друга подождать

до Нового года. «Вместе посмотрим на фейерверки и встретим праздник. Я уже придумал, как улизнуть из дома в новогоднюю ночь!»

Но в пятницу, накануне Нового года, все планы рухнули. В этот день Вовка бежал от Серого спокойный и весёлый. Войдя в дом, он остолбенел. В зале за столом сидела учительница математики Зоя Павловна, в папином кресле расположился учитель физики и по совместительству завуч Пётр Кузьмич. У окна, прижавшись друг к другу, стояли Жорка и Андрей. Папа и мама сидели на диване. Увидев Вовку, мама вскочила и бросилась ему навстречу.

– Сынок, что происходит? Зоя Павловна говорит, что тебя уже две недели не было в школе!

– Так и есть, – подтвердила пожилая учительница. Для большей убедительности она встала. – Мы уже не знаем, что и думать. Сначала твои товарищи сказали, что ты заболел (она строго взглянула на Андрея и Жорку), а сегодня они рассказали нам про какого-то волка.

– О, Господи! – всплеснула руками мама.

– Что за сказки? – возмутился отец, – откуда в Синегорке взялся волк?

Тут в разговор вступил завуч – плотный лысый мужчина в очках. Он встал, подошёл к Жорке и выпалил ему в самое лицо.

– А ну рассказывай, Воробьёв, всю правду без остатка, а иначе мы сейчас пойдём к твоим родителям чай пить.

Жорка покраснел и вытер рукавом пот со лба. Быстрым виноватым взглядом он посмотрел на Вовку и стиснул зубы.

– Ну?! – прикрикнул «физик».

– Не волки, а волк. – промямлил Жорка, – здоровый такой, мордатый.

Он снова глянул на Вовку, всхлипнул и почесал макушку.

– Андрей, где находился волк? – учитель обратился к Жоркиному товарищу по несчастью.

– Там, за линией, в лесочке. – угрюмо пробубнил Андрюха. Отец вышел в сени и вернулся с охотничьим ружьём.

– Сейчас проверим, был волк или не было.

Все с ужасом посмотрели на ружьё.

– Нет! – заорал Вовка и бросился к двери.

Уже через минуту он мчался по скользкой дороге в сторону леска. Добежав до железнодорожных путей, он начал звать волка.

– Серый! Серый, миленький, где ты?

Два жёлтых глаза тревожно засветились в темноте. Вовка бросился к другу, крепко обнял его за шею.

– Серенький, уходи! Немедленно беги! Сюда люди идут с ружьём!

Волк спокойно смотрел на мальчика.

– Чего ты сидишь? Нужно торопиться!

Андрей с Жоркой рассказали о тебе учителям и папе с мамой. Серенький, разве так поступают друзья? – Вовка горько и громко заплакал.

– Ничего, – спокойно ответил волк. Не все волки в стае могут быть одинаково сильными и смелыми. Иногда и близкие друзья проявляют...

– Малодушие?

– Именно так. Прости их. Помни, что ты тоже всем лгал.

– Всё это неважно, главное, тебе спастись...

– За меня не беспокойся – я бегаю так быстро, что ещё ни одному волку не удавалось меня догнать. А человеку это уж точно не под силу.

Вовка снова уткнулся носом в заиндевелую шею зверя.

– А давай ты останешься здесь, будешь моей собакой!? Мы с папой тебе отличную будку построим!

– Нет, друг. Я волк, и жизнь моя – свобода.

– Значит, я приеду к тебе в Большую Омутную, найду эту волшебную страну хоть на краю света!

– Ты ничего не понял. Моя родина не отличается от твоей. Большая Омутная совсем рядом – вон за теми сопками. А твоя чудесная страна здесь. Люби свою Синегорку и не ищи другой земли. Понимаешь, у каждого человека есть своя родина, и для него это самое прекрасное место на свете.

Послышался шум приближающихся людей. Вовка вскочил на ноги и посмотрел в сторону железной дороги, а когда обернулся, волка уже не было.

Шло время. Вовка вернулся к своей прежней жизни. Дружба мальчиков не рассыпалась: после испытаний она стала более ценной и осмысленной. Андрей и Жора, как и раньше, заходили за Вовкой, вместе они весело шагали в школу. Но стоило только дойти до леска, Вовкины друзья замолкали и опускали глаза, а самого Вовку охватывало щемящее чувство тоски и утраты.

Вовка стал лучше учиться: он вспоминал слова Серого, его горячий интерес к окружающему миру, острый ум и мудрые наставления. Мальчик верил, что когда-нибудь Серый вернётся, они снова будут беззаботно валяться на земле, рассказывать друг другу увлекательные истории и смотреть на небеса.

Поздними вечерами Вовка выходил на улицу и рассматривал звёзды. Яркие и загадочные, они напоминали глаза волка. Вовке казалось, что Серый смотрел на него сверху ласковым и мудрым взором.

Вовка продолжал ждать и надеяться. Разве можно человеку жить без надежды?

Жанр «Проза», 2 место

Александр Александрович Саужин родился 5 января 1956 года в селе Лебедино Мазановского муниципального района Амурской области. Всю жизнь прожил в селе Пуяттино. Сейчас на пенсии, но трудится рабочим в Таскинской школе.

Писать начал с 1994 г. Неоднократно печатался в районной газете «Знамя труда». В альманахе «Приамурье – 2018» был напечатан его рассказ-быль «Прости, мама!»

Есть у Александра хобби: чтение книг (любимый поэт – Высоцкий), рыбалка, общение с природой и занятия гиревым спортом.

В 2021 году награжден дипломом за I место в номинации «Живем мы на Амуре» (жанр «Проза») IV областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье».

АЛЕКСАНДР САУЖИН

АПОКАЛИПСИС МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Юмористический рассказ-быль. Все, что описано в моём рассказе – абсолютный факт, только изменены фамилии, но географическое расположение места события – реальное

Рождался очередной декабрьский день. Обычный зимний день – с трескучим морозом, резким, режущим лицо и руки ветерком, и лежащим толстым ослепительным слоем скрипучего снега.

Хотя нет, не совсем обычный. Сегодня, 12 декабря 2012 года, по прогнозам великих предсказателей с мировым именем, должен наступить Конец Света. Или просто – Апокалипсис. Это должно произойти в конце первой половины дня.

Люди по-разному реагировали на эту, прямо скажем, жутковатую информацию. Кто-то в какой-то степени завидовал бомонду – звездам всех мастей, людям с положением, властью имущим, которые имея приличное состояние, смогли, судя по средствам массовой информации, где активно проявила себя так называемая «жёлтая пресса», якобы построить себе бункер-бомбоубежища, особенной усиленной конструкции, только ещё круче.

Эти бункера могли, как бы на какое-то время, обеспечить их владельцам безопасность, сохранить их от всемирной страшной стихии, не дать им сразу погибнуть. А вдруг за это время светило мировой науки, то же разумеется, имея толстый кошелек, построили себе бункера с ориентировкой на конструкторское

бюро с жильём и всеми социальными благами, и, оглядываясь на экстремальность ситуации, экспромтом создадут серию космических кораблей, которые унесут мучеников, оставшихся в живых, на другие планеты, где ещё можно спокойно пожить до конца своих светлых дней.

Скептики – оптимисты, ухмыляясь, утверждали, что человечество, дескать, неоднократно, «перешагивало» благополучно те даты, при которых давно уже не должно существовать всё живое на планете Земля. Хотя стопроцентного оптимизма в их глазах не замечалось.

Люди, так или иначе, склонные к религии, верующие в Иисуса Христа, который по всем церковным канонам был и будет спасителем и защитником всего живого на Земле, смиренно опускали глаза и говорили: «Что поделаешь? Так Богу угодно. Мы не одни такие, на миру и смерть красна».

Однако, житель села Пуяттино Леха Киварин, сорокалетний мужик, в этот день не вспомнил ни бога, ни светил мировой науки, и вообще никакого анализа по этому вопросу в его голове не появилось. Он просто забыл, что как-то нужно готовиться к Концу Света.

Ему нужно было выехать в тайгу с лесником «застолбить» лесоделянку для заготовки

деловой и дровяной древесины. Опять же, он охотник – договорник. Этот промысел, практически, является одним из основных доходов для жизненного существования. Нужно просмотреть расставленные в тайге капканы, ловушки, добыть по плану дикого мяса, обработать все это и сдать в госпромхоз.

А тут возьми, да и пошло на «выстрел» заднее колесо трактора Т-16, который был единственным средством передвижения на не близком расстоянии по тайге. Иногда он прибегал к услугам лошади, но это было редко и зачастую не так удобно. На верховой лошади много из тайги добычи не вывезете. Стало быть, сегодня Лехи Киварину было, откровенно говоря, не до Апокалипсиса.

Трактор находился в гараже, который был под одной крышей с зимней кухней. Гараж от кухни отделяла глухая несущая стена. Печь с плитой находилась в кухне, а печной обогреватель с духовкой, выполняя роль фрагмента стены-перегородки, обогревали помещение гаража.

Леха наложил очередную резиновую латку на камеру, выждал нужное время и, присоединив насос к соску-золотнику, стал наполнять воздухом резиновый резервуар. Камера бесформенного вида постепенно приобретала надлежащую конструкцию и, наконец, звонкая от щелчка пальцев по ней, была приставлена хозяином к стене кухни и ждала, как пройти тест на пригодность, только что наложенных резиновых заплаток.

В это время раздается громкий стук в дверь и, не дожидаясь разрешения войти, в кухню вместе с холодным воздухом и кубами мороза, ввалился беспардонно, явно под сильным хмельком, закадычный Лехин друг Серега Ивановченко.

«Леха! Ты чего ерундой занимаешься, – с порога выкрикнул он, – сегодня Конец Света будет! Через пару часов на Земле ни нас, ни Земли не будет. Ты чего, никак выехать не можешь?!»

С этими словами Серега извлек из-за пазухи камуфляжной куртки капроновую бутылку-полторашку, почти полностью наполненную самогонном. «Давай что-нибудь занюхать! – распорядился он, – да по-быстрому, а то времени мало у нас! Я уже принял немного. Давай запьём с горя!»

Леха даже ухом не повёл. Он, по тихой, сам себе на уме, достал из-под кровати старый рюкзак, с требующим ремонта капканами, инструментом и собрался заняться любимой для души и нужной для промысла работой.

Серега продолжал голосить про Конец Света, призывая Леху к вниманию и взаимопо-

ниманию. И тут до Лехино сознания, наконец, дошло, что Конец Света – это очень серьезное мероприятие и его нужно, как-то, провести достойно. Леха подумал-подумал и тоже решил запить. «Закусь знаешь где, наливай», – сказал он, – а я приберусь тут».

Накаченная резиновая камера от заднего колеса трактора Т-16, через дверной проем оперативно была перемещена в помещение хорошо протопленного гаража. Леха приставил ее к печному обогревателю, прикрыв слегка дверь и вернулся в кухню уже в том душевном состоянии, когда люди с полунамека готовы друг друга понимать, и адекватными глазами окинул свой обеденный стол. На столе был полный порядок. Емкость со спиртным стояла на почетном месте – середина стола в окружении тарелок с мерзлым салом, квашенной капустой, луком и, конечно, прыщавыми зелеными огурчиками, посоленными с хреном, горьким перцем и смородиновым листом. Серега, торопясь, нарезал хлеба. Заметно было, что он торопиться. В последние часы жизни он понял, что не всё успел взять в этом мире.

– Леха, – рассуждал он, – будет Конец Света или нет, а на всякий случай надо уйти из этой жизни красиво и без страха. Пьяному море по колено. Я, честно, боюсь! Хорошо если сразу накроет. А если нет?»

Налили по одной. Выпили, закусили. Налили по второй, третьей... Леха, по жизни, человек неординарный. Про него говорят, что он живёт без чувства страха. Он может в большую шугу переплыть на резиновой лодке, груженной каким-нибудь грузом, Селемджу. Может, просто так, чтобы сократить путь, ночью пройти через сельский погост, не боясь привидений. Может он просто остро не дооценивает, порой, серьезность ситуаций, которые, зачастую, могут привести к негативному последствию. А может он живёт по принципу – ударит кого-то, но не меня.

Серега же нервно поглядывал в подмерзшее окно напротив, тревожно ерзал на табурете, подскакивал, хаотично передвигался по кухне и ждал, когда оно начнется.

– Леха, если до обеда ничего не будет, то точно ничего не будет, все так говорят, – старался он успокоить себя и своего лучшего друга. Когда после очередной рюмки Леха созрел и у него ясно заработал мозг, он тоже начал дискутировать, в меру своего интеллекта, по поводу – жить или не жить! Почти как у Шекспира.

В общем, оба были на взводе, в ожидании самого страшного. Они вздрагивали от каждого шороха, от всякого видоизменения солнеч-

ного и электрического света. Спиртное делало своё дело, но от страха не спасало.

И вдруг раздался оглушительный взрыв! Со всех щелей, с верхней части мебели и углов полетела пыль, срывая застаревшую паутину, забивая глаза, ноздри, уши, рот, заполняя помещение темнотой и ужасом. От резкой динамики воздуха, огонь в печи неестественно активизировался и издавал какой-то мистический шум.

Плод фантазии, закреплённый алкоголем, сработал у мужиков так, как и следовало ему сработать. Ещё стоящий в ушах звук взрыва, густо наполненное пылью пространство, демонический треск в топке печи сыграли свою определённую роль.

– Леха! Нырять в погреб! – заорал Серега, устремляясь к люку на полу кухни, конвульсивно работая пальцами рук, стараясь за него зацепиться и приоткрыть. Наконец ему это удалось.

Леха хотел сказать, что погреб это не погреб, а небольшая яма, появившаяся от выбранного грунта, употребился на устройство внутренних завалинок. Что в этой яме помещается несколько пар сапог, валенок, спальный мешок, ну и ещё по мелочевке кое-что. Дескать, места человеку, да ещё двум там не хватит. Но об этом Леха только успел подумать.

Его закадычный друг Сергей Ивановченко, который открыл крышку-люк, ужом извиваясь, мостился под пол зимней кухни. Больше половины туловища уже исчезло в темноте нулевого цикла. Ноги, активно работая, как хвост русалки или лапы аквалангиста, пробивали Серегиной головой свободу движения в недра спасительного погреба. Ещё у Сереги, что значит добрая ответственность, хватило сил и ума выкрикнуть из «глубины» земли: «Леха! Я бутылку зацепил! Прихвати огурец, авось успеем ещё!»

Леха стоял и смотрел на место, где недавно дергались Серегины ноги и думал, что как этот, вовсе не маленький мужик, смог, почти свободно, да ещё, ухитряясь не потерять по пути следования драгоценную капроновую тару, так просто, без проблем поместился в такую небольшую яму, где лежали вещи домашнего обихода, где противно пахло мышами и сыростью. И судя по всему, ему там было, относительно даже не плохо. Серега подвывал и спрашивал у Лехи, на месте ли ещё стоит село Путятино, или же Апокалипсис начал своё дело и теперь постепенно добирался до них.

Пыль медленно оседала, занимала своё отведенное природой место. Солнечный свет чище проникал в оконце. Печь прекратила нервничать и располагала надеяться на благополучный исход. Пока Серега, как загнанный заяц, верещал под полом, у Лехи в голове произошёл здоровый прострел мысли.

«Камера! Камера!», – прохрипел он и два прыжка оказался в гараже. Там из-за отсутствия какой-либо элементарной вентиляции, пыль ещё висела в воздухе, вызывая дискомфорт в организме. Быстро окинув взглядом помещение, Леха увидел, что вместо резиновой камеры на полу лежала бесформенная куча резины, издавая специфический запах талька. До Лехи дошло, что туго накаченная резина, прислоненная к горячему печному обогревателю, по закону физики, набрало дополнительное атмосферное давление, произошел процесс расширения тела при нагревании, резиновый резервуар не выдержал. Произошла своеобразная детонация, и он взорвался. Взрыв в закрытом помещении, в тепле, создал жуткий эффект для воспалённых алкоголем и страхом мозгов мужиков, которые произошедшее приняли за Конец Света.

Леха зашёл в кухню, присел на табурет, и вдруг его разобрал смех. Это был смех человека, которому отменили смертный приговор.

«Серега! – рычал он, – выходи, гад! Это резина бабахнула!». Серега ненадолго засомневался, но начал понимать, что наверху, в тепле, лучше, чем на холодной земле, истоптанной крысами и мышами, под плесневелыми досками пола. Он «включил заднюю», так как «передняя» была без надобности. Тупик. Он попытался извлечь себя на свет Божий. Это ему никак не удавалось.

Леха, матюкаясь, взял гвоздодер, в отчаянии и с сожалением выковырнул четыре половицы от балки до балки, после чего Серега, уставший и душевно больной, был доставлен на то место, откуда не так давно спасался от преследуемого его Апокалипсиса.

«Серега! Будем жить! Наливай! К черту работу! Будем обмывать второе рождение», – приговаривал Леха, «подмолаживая» стол.

На улице ярко светило солнце. Люди занимались своими делами, и со стороны никак нельзя было подумать, что кто-то все же, по своему ожидал этот страшный для живой планеты Земля – Апокалипсис.

Жанр «Проза», 3 место

Галина Викторовна Добуляк родилась в п. Дамбуки Зейского муниципального округа Амурской области. В 1974 году вместе с родителями переехала в г. Зею, так как родной посёлок был переселён – шло заполнение Зейского водохранилища.

В 1987 году закончила Зейскую среднюю школу № 1, а в 1990 году – Благовещенское педагогическое училище №3 по специальности «воспитатель детского сада».

Работает смотрителем музея истории золотодобычи в г. Зее. В свободное время занимается поэтическим творчеством. Свои стихи посвящает малой родине, природе родного края, временам года, тому, что её волнует в настоящий момент.

ГАЛИНА ДОБУЛЯК

О ЗЕМЛЕ ДЕДОВ И ПРАДЕДОВ. МАЛОЙ РОДИНЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Моя Родина тихая, славная,
Навсегда ты в моей душе.
Для меня бесконечно главная,
И не будет земли важней*

Моя малая родина... Земля моих дедов и прадедов... Как бы мне хотелось вернуться к тебе хотя бы на несколько минут, хотя бы на одно мгновение, и посмотреть на эти святые места взглядом взрослого человека. Увидеть твои улочки и проулки, что-то вспомнить, чему-то удивиться и со слезами на глазах тихо произнести: «Я здесь, снова с тобой».

У каждого человека она есть – его самая главная земля. И у меня ты тоже есть, но вот только я тебя больше никогда не увижу. Не потому, что я не смогу к тебе приехать, нет, не поэтому. Просто нет уже тебя на огромной планете, не осталось даже названия на географической карте. О тебе может напомнить только запись в паспорте о месте рождения – посёлок Дамбуки Зейского района. Но остаётся самое главное – ты всегда будешь жить в моей душе, в моих стихах и в моей памяти.

Я рассталась с тобой в четырёхлетнем возрасте и помню совсем не многое о тебе, лишь незначительные яркие сюжеты, которые сейчас, став взрослой, мысленно прокручиваю в своей памяти не один раз.

Вот я возвращаюсь, как когда-то давно, на твой зеленый луг с жёлтыми одуванчиками, который находится за нашей улицей, вместе

с сестрёнкой бегу на песчаный берег нашей речки, удивляюсь ярким огонькам аэродрома, которые в вечерний час можно увидеть, приоткрыв шторку на небольшом окне нашего дома...

Немного повзрослев, я многое слышала о тебе и всегда только хорошее. Ты уже была затоплена водами Зейского водохранилища и находилась на глубине пятьдесят метров. Но о тебе вспоминали, как будто ты продолжала существовать: о твоих деревянных домиках, над которыми вьётся дымок в тихую морозную ночь, мягких искрящихся зимних сугробах, об окрестных лесах, богатых грибами и ягодами, о весеннем ледоходе на реке, о цветущей черёмухе за рекой, напоминающей белоснежные облака в пору цветения. И, конечно же, о твоих жителях: добрых, приветливых, самых замечательных. О тебе вспоминали с таким теплом и любовью, что на глазах появлялись слезы. И сейчас я особенно остро ощущаю эту щемящую боль разлуки с родными местами.

Память вновь и вновь листает страницы прошлого, где я, ещё совсем маленькая, сажусь в самолет, и кто-то из пассажиров просит пилота в последний раз совершить круг над тобой, чтобы проститься. Проститься навсегда.

Номинация «Место одно есть такое, где ты появился на свет»

Уже давно исчез в небе этот самолёт, помахав на прощание крылом и навек разлучив с тобой, землей, на которой был сделан мой самый первый неуверенный шаг, с землей, где

осталось моё детство, с той самой землей, что зовётся Родиной. Бесконечно любимой, самой родной и самой лучшей – моей малой родиной.

Зейский заповедник

Жанр «Поэзия», 1 место

Ирина Григорьевна Русаева с детства любила литературу. Читала стихи, участвовала в смотрах художественной самодеятельности. Окончив Благовещенский государственный педагогический институт, работала учителем истории и обществоведения в селе Свободный Труд. После – работа в Шимановском районном отделе образования: методист, заведующий методическим кабинетом, специалист Управления по образованию и работе с молодежью.

В настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Участник Клуба любителей поэзии «Мецца-воче» г. Шимановска, танцевально-оздоровительного клуба «Вдохновение». Увлекается фотографией, вышиванием, выращиванием цветов и овощей в летнее время.

Победитель IV областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» в 2021 году.

ИРИНА РУСАЕВА

РОДНОЙ ГОРОД

Мой маленький город
На Дальнем Востоке,
Ты был сердцем БАМа
В Союзе былом.
Оно, это сердце
Так громко стучало,
Страну прославляя
Ударным трудом.

Но рухнул Союз,
Развалились заводы.
И сердце затихло,
Замолкло навек.
Но я хочу верить-
То время вернётся.
И город продолжит
К вершинам разбег

В нем дети рождаются,
Смотрят с надеждой,
Что мир этот будет
К ним добрым всегда.
Я знаю, равняюсь
На наших героев,
Сумеют они
Возродить города.

И нашей природой
Нельзя не гордиться:
Цветеньем багульника
Ранней весной,
Лесным разнотравьем
В просторах бескрайних –
Сторонка родная,
Любуюсь тобой!

Пусть город наш мал
И далек от столицы -
Любимее нет
На земле уголка.
Живут здесь
Прекрасные люди и память
О прошлом они
Сберегут на века.

Надеюсь, что город
Родной возродится,
Заводам и стройкам
Начнется отсчет.
Вот только пораньше бы
Это случилось,
Пока мы, мечтатели,
Живы еще.

Жанр «Поэзия», 2 место

Ирина Дмитриевна Самм (Богачёва) родилась и выросла в городе Шимановске. Окончила БГПИ по специальности «учитель иностранного языка». Работала в системе образования, органах муниципальной исполнительной власти. Более десяти лет – работник культуры, в настоящее время возглавляет Межмуниципальное объединение учреждений культуры Шимановского муниципального округа.

Публиковалась в амурской периодике, альманахах «Поэт года – 2013», «Поэт года – 2018», «Приамурье – 2018».

Победитель I, III и IV областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2015, 2019, 2021 гг.).

ИРИНА САММ

ДОМ

Его всем миром ставили на горке,
Чтоб солнце целовало поутру.
И чуть заметно трепетали шторы
На летнем тёплом, ласковом ветру.
Отец был горд. Была счастливой мама.
А сыновья пустили на порог
Вперед себя кота, но он упрямо
Никак не шёл и путался у ног.
Зажгли очаг. Запахло свежим хлебом.
А по весне зацвёл впервые сад
Под нестерпимо синим звонким небом.
Все это было... Много лет назад.
Мелькали весны, и сверкали грозы,
Кружила разноцветная листва.
И падал снег, и злобились морозы.
Что делать? Ведь судьба всегда права...
Сынов позвали дальние дороги –
Храни их, боже, от потерь и бед!
Родители стояли на пороге
И долго-долго им махали вслед.

Осиротели будто бы, оставшись
Они вдруг без сыновьяго тепла.
Так незаметно к ним подкралась старость,
С тоской и одиночеством пришла.
Они на жизнь нисколько не роптали –
Лишь было б хорошо всё у детей!
И только ждали, ждали, ждали, ждали
От них, родимых, хоть каких вестей.
А как-то в ночь с небес звезда упала.
И понесли старушку на погост...
Старик враз сдал и сгорбился устало –
Что ж, в этом мире каждый – только гость.
А сыновья к поминкам лишь успели:
«Не надо только – слышишь, бать? – тужить.
А домик-то стоит уж еле-еле...
Давай-ка к нам! И будем вместе жить».
Из дома вышел. За плечом котомка.
А ветер бил с размаха по лицу.
И, словно пёс на привязи, позёмка
Всё жалась к обветшалому крыльцу...

Жанр «Поэзия», 3 место

Ольга Геннадьевна Семенова, 1974 года рождения, уроженка с. Ромны Амурской области. Окончила БГПИ и вернулась в родное село. 26 лет посвятила образованию: работала учителем русского языка и литературы. В 2022 году решила оставить учительскую деятельность и пришла работать в муниципальное бюджетное учреждение культуры «Ромненская окружная библиотечная система» на должность заведующего методико-библиографическим отделом.

Талант к сочинению стихотворений обнаружился в её детские годы. В настоящее время пишет стихотворения, чаще всего личного характера.

ОЛЬГА СЕМЕНОВА

ВАСИЛЬКИ

Посвящается селу Васильки Ромненского района, основанному в 1908 году, ныне заброшенному. Ежегодно бывшие жители села Васильки, их дети и родственники встречаются на месте, где было расположено село, чтобы пообщаться и вспомнить родные места.

Василёчки мои, Василёчки,
Дорогие мои Васильки,
Расскажу я и сыну, и дочке,
Как же счастливы были здесь мы.

Деревенька совсем небольшая.
Каждый двор, утопавший в цвету,
Был уютен. Черёмуха в мае
Украшала деревню мою.

В деревеньке моей мало улиц,
А точнее, всего-то их две.
На приволье они растянулись.
И простор был... ну, в каждом дворе!

Ничего друг от друга не прятал, –
Брать чужого никто здесь не смел –
Мирно жили, с соседями ладя.
И работать здесь каждый умел.

На овчарне, в конюшне, на ферме,
В школе, в клубе трудились, в полях.
Всякий житель нашей деревни
От зари до зари был в делах.

Вечерами девчата и парни
Собирались, гуляли гуртом,
А потом и сватов засылали,
Да на свадьбу сельским мирком.

На Черге мы, ребята, купались,
С мостка прыгали в воду гурьбой,
Сверху вниз в песныках кувыркались,
Возвращались под вечер домой.

Там – в уюте, тепле и покое –
Пахло вкусным парным молоком.
Там мы часто с любимой роднёю
Собирались за дружным столом.

Вспоминаю сторонку родную,
Деревеньку, усопших родных:
Грицка деда, бабулю седую,
Мамку с батюшкой ещё молодых.

Василёчки мои, Василёчки,
Дорогие мои Васильки,
Расскажу я и сыну, и дочке,
Как же счастливы были здесь мы.

(песныки – так жители с. Васильки называли песчаный карьер)

Зейский заповедник

Жанр «Проза», 1 место

Светлана Валерьевна Адаменко родилась в селе Касаткино Архаринского района (ныне – Архаринский муниципальный округ). Работает учителем истории и обществознания в СОШ № 172 п. Архара. Творческий путь начинала с поэзии, сейчас пишет прозу.

Разносторонний и увлекающийся человек: её привлекают литература, краеведение, рисование, волонтерская деятельность.

С 2019 года является членом Архаринского литературно-музыкального клуба «Вдохновение» при Централизованной библиотечной системе Архаринского муниципального округа. Печаталась в изданиях Амурской и Кемеровской областей.

Победитель районного конкурса «Мы прославляем Архару в стихах и прозе» (2021 г.), конкурса «Внеклассное чтение-2022» (г. Новокузнецк). Участник IV областного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2021 г.).

СВЕТЛАНА АДАМЕНКО

АВГУСТОВСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Это было 1 августа. Знакомо ли вам это чувство тоски, когда думаешь, что большим планам на лето не суждено было сбыться, а следующего – ждать целую вечность? Это чувство, как грозовая туча, неумолимо надвигалось с конца июля, а уж 1 августа обрушилось на голову во всей своей мощи. Нужно было срочно что-то предпринять, чтобы спасти остатки лета. Спасти для своей памяти, сохранить его в воспоминаниях, насытить впечатлениями.

Синоптики не обещали хорошей погоды на это число. Но мы поехали. Нас ожидало небольшое путешествие по району. В багажнике машины томилась в ожидании обеда на природе свежесваренная молодая картошечка, заправленная поджаренным луком и щедро посыпанная зелёным пряным укропом и ароматным чесноком. Картошку сопровождал холодный компот из ревеня и салат из хрустящих огурцов. Стоит ли упоминать в этом списке также булочку чёрного хлеба и небольшой батон копчёной колбасы, которые скромно притаились в рюкзаке, ожидая своего часа. И чтобы справиться с данным меню, четверо путешественников отправились за сотню километров от родного дома на охоту за чудесными пейзажами малой родины.

Пятилетней Лизе вовсе не терпелось приступить к самой главной части нашей программы – покушать. То и дело она интересовалась,

когда же будет то самое заветное место, где мы вызволим из укрытия нашу незатейливую пищу. А мы и сами не знали, где это место. Мы искали его.

С асфальта свернувши по направлению на Тарманчукан (крохотная станция Транссиба), мы оказались на грунтовой дороге. Справа от нас возвышался лес, забираясь вверх, к вершине сопки, которую прорезала наша дорога. Причудливые ветви дубов, берёз, ясеней устремлялись ввысь, переплетаясь в недосягаемой для нас высоте. Их мощные узловатые корни оголил когда-то ковш экскаватора, строившего эту дорогу. Он сделал срез сопки, обнажив породу, из которой она состояла. Это был сланец, залегающий рыжими слоями, похожими на стопки книг, сваленных в одну грудку. Кое-где время затянуло камни мхами самой причудливой формы – звёздочками, изумрудными листиками, мягкими иголочками. Там, направо от нас, раскинулся бескрайний Хинганский заповедник – гордость Архаринской земли, да и всего Приамурья.

Слева, внизу блестела Транссибирская магистраль. Поезда, гудевшие уныло и протяжно, казались игрушечными. Они не спеша возникали из-за дальних сопки и исчезали под нашей. Там, в недосягаемости нашего зрения, они скрывались в темноте восточного портала Тарманчуканского тоннеля – самого большого на территории Амурской области.

Здесь, в этом реликтовом лесу, с обеих сторон обрамлявших дорогу, безлюдно. Чувствуешь себя гостем под сенью вековых деревьев. Даже шум железной дороги, движение поездов естественным образом вписывается в идущую своим чередом жизнь природы.

Дорогу пересекает высоковольтная ЛЭП. Она спускается с сопки и уходит вниз, идёт на сотни километров по полям, марям, тайге. Словно исполинская бритва выбрила полосу леса на всём пути следования ЛЭП. Огромные железные конструкции несут на своих плечах всю тяжесть провисающих электропроводов. Эта колоннада уходит в неведомую даль, неся электричество с самой Буреи, а, может, и с Зеи, тысячам людей.

Ни Транссиб, ни ЛЭП, ни тоннель не создают впечатления навязчивого вмешательства человека в мерный естественный ритм. Скорее они поглощены природой, вписавшись в лесной ландшафт. Как бы ни была велика мощь человека в подчинении стихий, какого неимоверного труда ни стоило бы возведение этих грандиозных техногенных объектов, – на лоне необъятной природы они – лишь игрушки, раскиданные среди бескрайнего леса, а мы – песчинки, беспомощно затерявшиеся здесь. Понимаешь, как ничтожен человек и как коротка его жизнь.

Рельеф дорожного полотна не давал нам разогнаться, поэтому мы с племянницей Олей – «ботаники-любители» – успевали разглядывать представителей местной флоры. Наш водитель Иван пытался, ведя машину, увидеть на дороге следы представителей местной фауны. Нам с племянницей везло определённо больше, и Ивану пришлось останавливаться не раз, чтобы мы могли запечатлеть на фото любопытный экземпляр. Интерес был подогрев и тем, что здесь, в приграничье Хинганского заповедника, находится переходная зона между восточносибирской и маньчжурской растительностью. Клён зелёнокорый, жёлтая берёза соседствуют с монгольскими дубами. Кроны деревьев оплетает лоза амурского винограда, лимонника китайского, пестреют розово-зелёные листья актинидии коломикты, опутывавшей ветви.

За окном нашего автомобиля мелькнуло красное пятнышко. Неужели та самая! Нет, нам не показалось. Это действительно она. Лилия двурядная! Как же нам повезло! Она, красавица, притаилась в тени дубов и клёнов, выглядывая оттуда и маня своими огненными цветами. И это в то время, когда её сестрёнкам-лилиям уже срок цветения прошёл!

Много у нас лилий растёт в Архаринской низменности: крупная даурская распускается в начале лета вдоль дорог на лугах и в редколесьях. Маленькими ярко-неоновыми огоньками лилии Буша обильно усыпаны равнинные луга со второй половины июня. Их мы знаем с детства, а эту мне доводилось видеть только в книге, и не верилось, что встречу её в живую.

Лилия двурядная – скромная красавица. Цветок небольшой, несимметричный, огненно-красного цвета. Лепестки изогнутые, гладкие, блестящие. На тонкий стебелёк внизу надета юбочка из листьев. Но тем она краше, что очень редка. В Приамурье обитает только в нашем районе, и на весь Хинганский заповедник её не более трёхсот особей!

Вот она – растёт – рукой подать. Но не так уж и просто добраться до неё. Пришлось преодолеть кювет и взобраться на срез сопки, который только из окна машины кажется небольшим. Преодолев склон – буквально несколько метров – мы оказались формально уже на территории заповедника. Созерцая редкостный цветок, вслушивались в шум леса. Беспокойно: совсем не удивительно было бы встретить медведя, чей покой мы бы нарушили своим вторжением в его обитель.

Запечатлев на фото «аленький цветочек», мы отправились далее. Свернули с дороги на место заброшенной пасеки. Начался дождь, который быстро усилился и заставил нас трапезничать внутри машины – в довольно стеснённых обстоятельствах. По окнам стучал дождь, но внутри было тепло и уютно. Картошка сохранила тепло и аппетитно пахла луком и укропом.

Когда обед был позади, мы двинулись дальше.

Было решено искать знаменитое Кундурское кладбище динозавров, раз уж мы оказались в неподалёку. Выбрались на трассу. Под Кундуром нас застал проливной дождь. Огромные капли разбивались о лобовое стекло, совершенно закрывая обзор. Небо безнадежно было затянуто свинцовыми тучами, несущими грозу. Мимо нас проносились огромные фуры, визжа моторами и поднимая веер брызг. Дворники не справлялись с потоком воды, в зеркалах и боковых стёклах ничего не было видно. Мир нам представлялся в виде тёмных и светлых пятен. Сложно поверить, что ещё полчаса назад, под Тарманчуканом, нас одолевала тропическая влажная жара.

Судя по карте, мы были совсем близко к искомой достопримечательности, но не знали точно, где искать. На сопке, у самой трассы, увидели пасеку. Несколько десятков аккурат-

ных разноцветных ульев, покрытых ивовыми ветками, располагались ровными рядами поперёк склона. В шалаше, на лавке пережидал непогоду хозяин-пасечник – седовласый старик с растрёпанной бородой и натруженными руками. Мы были счастливы живой душе и спросили, где находится это загадочное захоронение динозавров, но, как выяснилось, и он о нём только слышал. Да и интересоваться не было повода: опытного пчеловода не заинтересовала палеонтология.

Дождь тем временем поутих, но не успели мы приблизиться к реке Мутной, как он предательски разразился с новой силой. Мы решили развернуться по направлению к дому и на сей раз отказаться от цели. До лучших времён. Но перед тем, как отправиться домой, решили заехать в ближайшее село.

Кундур – железнодорожная станция и самое большое по численности населения село в Архаринском районе. Расположено на сопках, меж которых бурливо течёт небольшая речка Кундурка, впадающая в Мутную. На берегу Кундурики мы встретили милую улитку, которая приветливо шевелила рожками, сидя на листе аконита. С мокрой зелени стекали крупные капли только что приостановившегося дождя. Река шумела, торопилась, перекатывалась через каменистые порожки. Над ней расти-

лался редкий туман, создавая иллюзию, словно вода дымилась. Как будто сверху доносился гул пронсящих поездов. Вокруг – сопки, покрытые густой растительностью. Стрекотание цикад на несколько голосов. Редкий птичий щебет...

Выбравшись из Кундура на асфальтовую дорогу, мы повернули на запад – домой. На трассе нас ждал тот же проливной дождь. Кажется, он ни на минуту не утихал. Снова огромные капли разбивались о лобовое стекло, сливаясь в потоки, омывающие окна и зеркала, в которые не видно почти ничего. Мимо пронеслись автомобили, поднимая веер брызг.

Мы ехали на запад. Менялся ландшафт, менялась и погода. Пронёсся за окнами зелёный коридор деревьев, обрамлявших дорогу, остались позади крутые и пологие склоны сопки, покрытых туманом, застывшим в распадах. Справа и слева теперь раскинулась бесконечная равнина с заливными разнотравными лугами и марями, с пшеничными да соевыми полями. По этой гладкой бескрайности рассыпались местами рощицы-рёлки, кое-где её перерезали ручейки и речки. Их золотило солнце, несмело проглядывавшее сквозь густые облака. Грозовые тучи остались там, в сопках. Мы ехали домой. Лето клонилось к закату.

Журавли в Хинганском заповеднике

Жанр «Проза», 2 место

Юрий Михайлович Богомолов родился в городе Комсомольск-на-Амуре. С 1990 г. проживает в Архаринском районе (ныне – Архаринский муниципальный округ). С раннего детства занимается пчеловодством. Много времени проводит в тайге, автору знакомы все нюансы таёжной жизни. Увиденное и подслушанное у лесной тишины переводит в рассказы.

Победитель районного литературного конкурса «Мы прославляем Архару в стихах и прозе» (2021).

Печатался в газете «Маршрутка», в альманахах «Зелёная лампа» (№№3, 4, 5), «НЕОнлайн» (г. Благовещенск).

ЮРИЙ БОГОМОЛОВ

НОЧНАЯ МАРЬ

Ночное небо, перемигиваясь свинцовым мерцанием Млечного Пути, медленно вращалось вокруг Полярной звезды. Угловатое созвездие Большой Медведицы тусклым взором подслеповатой старухи смотрело вниз, на окутанную седым туманом марь, протянувшуюся на многие километры среди бескрайней тайги. Труднодоступная, лежащая вдалеке от дорог и каких-либо построек, эта марь являлась излюбленным местом для разных зверей, особенно в ночное время. Многочисленные косули, спасаясь от невыносимого летнего зноя, с наступлением темноты спускались с сопок и любили бродить по закрайкам широкой болотистой низменности. Ночная прохлада, скапливаясь в низине, поднималась по тесным распадкам между высоких сопок, обрамляющих марь, зазывая осторожных зверей в гости. Здесь, словно в оазисе, относительно мирно уживались медведи, косули, изюбры и прочие лесные жители.

Озираясь высоко поднятой ушастой головой, осторожно пробиралась среди высоких трав косуля, пугливая и по-своему прекрасная. Позади неё, путаясь в траве, семенили на тоненьких ногах два её отпрыска. Маленькие, серенькие, они спешили за ней, боясь отстать или быть пойманными голодными лисами, которые тоже навевались сюда. Лисы ловят в основном лягушек, мышей и прочую мелкую живность, не забывая по пути разорять птичьи гнёзда, но при случае никогда не побрезгуют

и более крупной добычей, вроде несмышлёного детеныша косули.

Чуть раньше из леса вышел лось. Осмотревшись и, не заметив ничего, что могло бы ему помешать, он без опаски направился вглубь трав, где за завесой тумана спряталось озеро. Громко шлёпая раздвоенными копытами по сырой почве, быстро зашагал к болоту, там росла его любимая трава – сочная трёхлистка.

Оглушающая, звенящая, давящая тишина заставила насторожиться косулю. Сейчас она была не просто грациозным животным, которое в случае опасности может с лёгкостью убежать, сейчас она – мать, а позади в траве шуршат два крошечных «якоря». В чьём обличье не находилась бы мать, она всегда остаётся ею, и готова встать на защиту детей. Косуля, слыша предостерегающий крик своего сородича, замерла, вслушиваясь в тихий шелест тишины. Прошла минута, показавшаяся вечностью. И вновь грубый крик козла, переключаясь с эхом, пронёсся, расталкивая тьму, и пропал, проглоченный туманом. Оглядываясь по сторонам, встревоженная косуля торопливо повела своё потомство ближе к кромке леса. Туда, где заросли трав, вперемешку с кустарниками, давали хоть какое-то укрытие от опасности. А опасность была. Была очень близко. О ней отчетливо шептала тишина.

Сухо и едва слышно щёлкнула веточка, и шорох мокрой травы послышался в полу-

сотне метров левее, как раз там, где намеревалась укрыться косуля. Словно шепнув что-то своим детенышам, которые, как по команде, не до конца понимая – зачем, легли в траву, растворившись во тьме. Шорох усилился и двинулся навстречу. Времени на раздумья не оставалось, но и медлить было нельзя! Оттолкнувшись от земли, косуля подпрыгнула как можно выше и вбок. В прыжке увидела, наконец, причину тревоги и бросилась в сторону опасности. Намереваясь пробежать как можно ближе к хищнику, но с таким расчётом, чтобы не угодить в его лапы. А когда он бросится в погоню за ней, увести его как можно дальше от своих детей. Громадный, чёрный, как беспросветная тьма, медведь, лишь приподнялся над травой и, со свойственным ему кажущимся безразличием, проводил взглядом вихрем промчавшуюся мимо косулю. Шумно выдохнув воздух вслед беглянке, он с досадой, что его разоблачили, шумно двинулся дальше, оставляя после себя широкую полосу примятой травы.

Перепуганная косуля должна убежать без оглядки, но замерла в трёх десятках метров. Материнский инстинкт приколел её к земле. Вытянув шею, она смотрела на медленно удаляющегося мокрого от росы исполина. Мелкая дрожь выдавала волнение, и она сама, не понимая – зачем, пошла вслед за медведем. И лишь убедившись в том, что медведь неспешно отправился по своим делам, успокоилась. На всякий случай осмотрелась ещё раз и отправилась к тем, ради кого только что рисковала своей жизнью. Осторожно пробираясь среди трав, отправилась к своим детям, которые по-прежнему неподвижно сидели там, где их оставила мать. Вскоре встревоженная косуля скрылась в зарослях, торопливо уводя семейство подальше от опасного места. Но кто знает, что или кто поджидает их впереди, скрытый черным покрывалом ночи.

В это время сквозь чащу медленно пробирался навстречу туманной сырости изюбр. Крупный, от природы очень осторожный и хитрый зверь. Его мало тревожил далёкий крик козла, но и он не оставил его без внимания. И на то тоже были веские причины: рога. Точнее – панты, покрытые тонкой кожей и коротким мягким ворсом. Осторожно пробираясь сквозь заросли, он бережно нёс на голове десятикилограммовые, которые с каждым днём всё явственнее приобретали очертания оленьих рогов, панты. Даже лёгкий удар тонкой веткой по ним причинял зверю боль, и это добавляло осторожности. Вот уже седьмой год подряд изюбр приходил сюда в это время.

Расталкивая густую темноту круглой головой, словно призрак, бесшумно пролетел, опираясь на туман большими крыльями, филин. Усевшись на макушку первой попавшейся на пути лиственницы, принялся раскачиваться, безуспешно пытаясь поймать равновесие. Через пару секунд оторвавшись от неудобного насеста, полетел дальше, беззвучно растворившись во тьме. Тоскливый крик неведомой птицы, по которому можно сверять часы, издали летел над сырой марью и, не находя преграды на своем пути, казалось не смолкал, а попросту улетап дальше. Ровно две секунды звучит незамысловатая песня ночного исполнителя. И ровно столько же длится пауза.

Уть-то-та-а-а, уть-то-та-а-а... Укладываясь ровно в две секунды поёт птица, слегка растягивая последний слог. И следующий двухсекундный интервал как будто собирается с мыслями, прежде чем начать песнь сначала. Казалось, что она кричит совсем близко, но в следующее мгновение приходит осознание, что она очень далеко. Загадочная ночная песня словно подтрунивает над своими слушателями, дескать, не поймаете, не поймаете... словно тикали лесные часы-ходики – так птица отсчитывала двухсекундными отрезками отведённое ночи время.

Зловещим красноватым заревом на востоке медленно выползала, достигшая апогея в своем росте, кроваво-красная луна. Непривычно огромная, алая, словно предостерегающая о грядущих страшных свершениях, поднимаясь ввысь, уменьшалась в размерах и приобретала привычный всем естественный холодный цвет. Туман, доселе скрытый тьмой, вдруг в свете луны, словно пеленой накрыл притихшую марь.

Близился рассвет. В прудутреннюю тишину, нарушаемую пением соловья, резко ворвался крик кукушки. Туман, оседая на листьях, клонил к земле мелкий кустарник. Казавшаяся ночью угрюмой и мрачной, дышащая могильным холодом марь, при свете дня расцветала яркой синевой ирисов, буйством зеленых трав и огромным многоцветьем всевозможных цветов. Ночь, отступая, бледнела перед дневным светилом, и проснувшийся многоголосый птичий хор гнал прочь звенящий шёпот тишины. Ночь, отбыв свой срок, ушла на покой, уступив место пришедшему ей на смену дню.

Добротная по местным меркам изба с прирубом крепко стоит на высоком обрывистом берегу реки. К воде ведёт годами хоженная тропа, обрывающаяся у кромки воды, где есть и новшество тех мест – дюралева, выдавшая виды «казанка», с таким же, пожившим уже, навесным мотором. Неподалёку в воду с бере-

га уходит некая рыбацкая снасть в виде верёвки с привязанным к ней чем-то неведомым, тем, что от любопытных глаз надёжно скрывает тёмная холодная толща воды. Сразу за домом начинается лишённый сорняков прямоугольник огорода, а за ним тёмной стеной веками стоит неприветливая для чужаков старушка Тайга.

...Первыми, при виде показавшегося вдалеке верхом на низкорослом, красноватого цвета коне человека, забили тревогу пять крупных собак на привязи непонятной породы. Изпод крыльца рыжим комочком выкатилась, заливаясь писклявым лаем, маленькая, размером с рукавичку, собачонка и, не разобравшись, откуда надвигается незванный гость, помчалась, пугаясь собственного лая, в противоположную сторону. Из дома на крыльцо выбежал мальчонка, лет семи. Приставив ладонь к лицу, стал всматриваться в пришельца. Но тот, тем временем, приближаясь к дому, скрылся за деревьями.

– Деда, кто-то идёт! – по-детски пронзительно закричал он в огород.

– Вижу-вижу... – тихий, спокойный голос деда заставил его вздрогнуть и обернуться – дед сидел на завалинке позади него, подстелив под зад старую телогрейку и очищал от коры длинный гибкий прут из талы – будущее удилице. Из-за дома пулей вылетел кот и, заскочив на завалинку, поближе к деду, ошестинился, приготовившись дать отпор проспавшей всё на свете и теперь преследовавшей его с неистовым лаем и единственной целью – наказать бедолагу, решившей, что именно кот и есть причина всего переполоха – маленькой собачонке.

– Завидалка, вот я тебе, нельзя! – прикрикнул дед на собачонку, вступившись за кота. Собаки продолжали безуспешно рвать цепи, оглашая окрестности лаем и пугая лесных обитателей далеко вокруг. Дед встал, отряхнул колени, взял в руки своего давнего спутника – деревянный посох, отшлифованный за годы эксплуатации ладонями и несколько раз стукнул им о крыльцо. Собаки, зная крутой нрав деда, умолкли и, гремя цепями, уже молча продолжали зло и пристально наблюдать за приближающимся человеком на коне. Завидалка, наконец-то, разобравшись в истинной причине столь внезапной «боевой тревоги», заверещав, снова выскочила невесть откуда и самоотверженно бросилась на неприятеля, но, пробежав мимо деда, получила увесистый пинок, который кардинально изменил не только траекторию атаки, но и спутал дальнейшие её планы по ликвидации врага. Конь, испуганно фыркая,

здрав морду, косил глазом на собак, но, чуя на себе спокойного седока, продолжал идти вперед.

– Деда, а кто это? – спросил мальчонка проводив взглядом юркнувшую под крыльцо Завидалку.

– Охотник, Шатуном кличут, Акинфкой зовут, – тихо сказал дед, опёршись на посох.

Тем временем Акинфий, соскочив с коня, повёл его привязать подальше от тех, кто не боялся ни деда с его палкой, ни бога, ни чёрта, никого. Подальше от трёх десятков ульев, над которыми вились пчёлы, заглушая своим жужжаньем гул слепней, роем выющихся над конём.

– Здоров Троха Ляксеич, вот бабка твоя передала тебе, по пути завёз, – привязав коня и, направляясь к хозяину, заговорил Шатун, прихватив с собой мешок, наполовину наполненный чем-то пока неведомым.

– Что нового на селе? – просил Троха, вглядываясь в скуластое остроносое тёмное лицо прибывшего.

– Да, как всегда, бабьи вопли да поросичий визг... Зверя-то бьёшь? – снимая с себя обтёртую до блеска древнюю трёхлинейку, вопросом на вопрос ответил он.

– Да не, – нараспев ответил дед, – мне уж его жевать нечем, ходил вот недавно чудом повезло – принёс, а ты, смотрю, ружьё с рук не выпускаешь, блестит как самовар. Вот женишься, будет жена тебе супы варить, тогда и ружьё потемнеет. Четвёртый десяток шатуном бродишь, – наставлял дед молодого.

– Ага, на татарке женюсь, – отшутился Акинфий.

– Ну а что, – продолжал дед, шурша пакетом с махоркой, не зная ещё, что кончилась газета и завернуть смрадную сигарку будет не во что, – конь монгол, жена татарка... чем не идиллия?

Перехватив недружелюбный взгляд Акинфия, деловито добавил, переводя разговор:

– А вот ты знаешь, монголы они выносливые. У Луки был такой, лет тридцать назад, вот то конь, так конь был. Тяговитый, вязкий, по крови, как собака, шёл. Лука собак и не держал.

...Мальчонка, не вникая в разговор, заморожено смотрел на винтовку Шатуна, что стояла рядом, опёртая на стену. Наконец, не выдержав и собравшись с духом, робко спросил:

– Дядь, а дядь, дай стрельнуть?

– Патрон есть стрелни, – нарочито строго сказал Шатун, глядя в глаза пацана, который тотчас же перевёл просящий взгляд на деда. Тот едва заметно кивнул, и счастливый мальчонка побежал, шлёпая босыми пятками по крыльцу, в дом.

– Газету там прихвати! – крикнул ему в след дед.

– Помогает? – кивнув на мальчика, спросил Акинфий.

– Помогает... хлеб жевать, а всё одно вдвоём и сподручнее, и веселее – улыбнулся дед, снова доставая из кармана пакет с махоркой, видя, что внук возвращается, неся в руке обрывок газеты и остроносый латунный винтовочный патрон, один из тех, что лежали в коробке с тугой крышкой на окне в коридоре. Отойдя на приличное расстояние, мальчонка, покрутив головой, поднял с земли вышелушенную не то белкой, не то бурундуком, пустую прошлогоднюю кедровую шишку, воткнул её торчком в какой-то куст и, пешком, чтоб не сбить дыхание и унять волнение, а с ним и дрожь в руках, вернулся к дому, деловито, стараясь не ударить в грязь лицом перед старшими. Взял в руки винтовку, отвернув от людей дуло, маленькой ручонкой наполовину открыл затвор, убедившись, что патрон в ствол загнан ещё Шатуном, отошёл в сторонку, поднял и сразу же опустил ружьё.

– Тяжёлое, наше легче. – Смущённо сказал он, чувствуя на себе неотступный пристальный взгляд деда, которому вроде и дела то не было до происходящего.

– К углу, вон, притулись, – посоветовал дед, заворачивая самокрутку. Подойдя к углу дома, мальчонка оттянул пуговицу затвора, поднял ружьё, придавил его серединой к выступающему из стены бревну и, поймав мушку в прорезь планки, подвёл её чуть ниже середины шишки. Винтовка, прижатая к стене, не дрожала, мушка твёрдо держала контур шишки. Медленно выдыхая воздух из лёгких, мальчонка потянул за курок. Тугой звук выстрела пролетел над рекой, путаясь в листве деревьев, ударился вдалеке о сопки, эхом вернулся назад и пропал, выгнав из кустов дятла, который, хлопая крыльями и заикаясь гортанным криком, полетел прочь. Винтовка, плюнув синим дымком, толкнула стрелка назад, пробитая пулей шишка, соря трухой и кувыряясь, описав дугу, упала в траву. Собаки, всполошившись, задрали морды и взахлёб глотали воздух, медленно плывущий над рекой. Неподвижно стоял конь в кустах, давно привыкший к звуку выстрела, и только маленькая Завидалка испуганно забила по-глубже под крыльцо. Несмотря на мало прожитых лет, мальчонка привычно передёрнул затвор, проводив взглядом вылетевшую стреляную гильзу. Затем вновь, оттянув «пуговицу» на затворе до отказа на себя, юный стрелок нажал на курок и плавно вернул её на место, тем самым спустив курок, что зна-

чительно снижало впоследствии возможность случайного выстрела. Во всём чувствовалась школа деда. В маленькой голове прочно, как ему казалось, сидели строгие наставления деда, вроде тех, что нельзя направлять оружие на людей, тем более, если ты уверен, что оно полностью разряжено. Поставив на место ружьё и отдав Шатуну патрон, мальчонка присел, свесив ноги рядом с дедом...

– Ну что расселся, – пыхнув сигаркой, спросил дед, хитро щури глаза, – на охоте ж был, стрелял, а мясо где? Тащи сковородку!

Вскоре рядом с домом возник импровизированный стол, сделанный из обычной лавочки, на которой стояла сковорода с жареным мясом, чайник, три эмалированных кружки, мёд в пол-литровой стеклянной банке, на газете порезанный хлеб и пучок зелёного лука, вырванный с грядки прямо с луковицами и вымытый тут же, в речке.

Рассевшись, кто на чурбак, кто на подвернувшийся ящик, принялись за дело. Опустошив и сковороду, и чайник стали убирать на место нехитрые столовые принадлежности. Шатун, поблагодарив и пожав деду с внуком руки, перекинул винтовку через плечо и, легко вскочив в седло, направился дальше, в надежде засветло добраться до зимовья, что стояло на устье речки Садорги.

Лениво, больше для порядка, беззлобно, по своему прощаясь с гостями, залаяли собаки, Завидалка хотела было броситься в погоню, но, видимо, в собачьей голове ещё свежо было «напоминание» деда о том, кто тут хозяин и когда можно лаять, а когда лучше промолчать.

Маленький Денис, держа на руках кота, молча стоял и смотрел туда, где в зелёной чаще скрылся Шатун. Воображение рисовало в его голове картины таинственной речки Садорги, о которой он знал только из рассказов деда... Вдали сухо щёлкнула сухая ветка под тяжёлым копытом коня и всё стихло, словно и не было никого тут. Тихо подошёл дед, положил широкую тяжёлую ладонь ему на плечо.

– Ну что, Дениска, будем и мы собираться, беги, отвязывай собак и лови свою Завидалку.

Почуввав, что с них снимут ошейники, собаки радостно завыли, увидев, что маленький хозяин направляется к ним. Отвязав собак, которые тотчас же скрылись с глаз, Денис, в сопровождении Завидалки, которая никогда не убегала дальше огорода, взял свои нехитрые пожитки и направился к лодке. День подходил к концу. Вода, утратив зеркальный блеск, приобрела холодный свинцовый оттенок. Из-за поворота реки выползал густой туман, нудно зазвенели комары, и чем-то зловецким повеяло от реки...

...Прошли годы. Вырос, когда-то бывший неприметным кустом, клён у калитки. Деревня, шумная прежде, быстро пустела. И из уличного ряда всё чаще и чаще смотрели на мир пустыми глазницами окон, заросшие бурьяном, брошенные хаты. Стоявшее на высоком обрывистом берегу реки, село всё плотнее обступала тайга. Наступил тот переломный момент, когда дикие кабаны и медведи, бродившие за околицей, стали навещать малочисленных местных жителей чаще, чем заезжие гости. Собаки исправно несли свою службу, отгоняя диких зверей от манящих их огородов. Ночами близкий волчий вой, словно некая панихида по лежащей на смертном одре деревне, навевал тоску. И собаки, задрав морды, выли, тщетно пытаясь подражать своим более крупным собратьям. Но нудный собачий вой не шёл ни в какое сравнение с леденящей кровью, мощной и завораживающей «песней» безжалостных, умных, одних из самых скрытных и осторожных лесных хищников.

Лишь река, как и прежде, преодолев шумные пороги и перекаты, вырвавшись, наконец, из тесных скалистых берегов на равнину, да разбившись, напоследок, о гранитный останец, который словно мощный страж веков стоял неподвижно на пути и делил реку надвое, как будто отделяя добро и зло, здесь слилась воедино. И, извиваясь по равнине, выделявала

причудливые излучины, вгрызаясь в берега, унося с собою ни в чём не повинные деревья. Река словно пыталась спрятаться и отдохнуть после долгого бега по теснинам, но неведомая сила продолжала толкать её вперёд, не давая присесть. И она, по-прежнему повинувшись ей, уже медленнее, но ползла свинцовой змеёй, отражая в себе солнце. И несла на себе неприветливый холод далёких, покрытых лишайниками скал, запах лиственниц, которые словно грешники, наказанные природой, были изгнаны из привычных мест обитания. А теперь ютились в камнях, цепко держась корнями за скалы, в безмолвной молитве протянув к небесам кривые сучья, будто бы жалуясь кому-то на своё, практически лишённое и скрытое от глаз человеческих, житьё. И всё это притомившаяся река медленно несла по равнине вместе с тишиной безлюдья. Лишь в вышине, среди высоких скал, теперь уже далеко позади, парил большой серый орёл. Он с тоской смотрел вниз не в силах что-то изменить в этой безнадежной, но неповторимой и завораживающей картине. Лишь он один пронзительным криком, нарушая тишину поднебесья, словно пел гимн величественной и беспощадной красоте природы. Но этот крик не долетал до земли – его заглушал шум разбушевавшейся реки...

Природа Зеи заповедная

Жанр «Проза», 3 место

Анатолий Фёдорович Горохов родился в селе Мухино Шимановского района (ныне – Шимановский муниципальный округ), в семье железнодорожников. Учился в Михайло-Чесноковской средней школе. В 1971 году окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. С 1973 года жил в посёлке Буря, в настоящее время проживает в Белогорске. Председатель литературного объединения Белогорского гарнизона.

Впервые с литературным творчеством публично выступил на II областном конкурсе «Искусство звучащего слова» (Белогорск, 2014).

В интернет-группе «Благовещенск – пограничный городок» имеет персональную страничку. Публиковался в газетах «Советское Приамурье сегодня» и «Маршрутка». С 2016 года самостоятельно изготавливает книги и передаёт их в библиотеки области.

АНАТОЛИЙ ГОРОХОВ

ЗИМНИЙ МЁД

На пасеке царило оживление. Шла первая настоящая качка мёда. Погода стояла благоприятная для рабочих пчёл, и они таскали в свои ульи то, что обильно давала матушка-природа.

В лёгких полотняных теремках мерно жужжали медогонки, а рядом, на свежем воздухе шипели примусы, подогревая воду для рамочных ножей. Вскрыть запечатанные соты без подогрева ножей и не повредить ячейки удавалось не каждому, даже опытному человеку.

Пчеловоды почти не пользовались дымярами и спокойно доставали рамки из ульев. Некоторые даже не опускали лицевые сетки и не закрывали руки резиновыми перчатками. Большинство сотовых ячеек было полностью запечатано восковыми крышечками. Это подтверждало, что мёд зрелый, пониженной влажности и пригоден для длительного хранения.

Смахнув пчёл с рамок, пчеловоды опускали янтарную красоту в переносные ящики и накрывали полотняной накидкой. А взамен ставили в улей рамки с выкачанным мёдом. Каждая рамка с мёдом весила больше трёх килограммов, и полный ящик прилично оттягивал плечо брезентовым ремнём.

– Своя ноша не тянет! – с улыбкой говорил Николай, поднося очередной ящик к медогонке.

К вечеру выделение нектара уменьшилось. Пчёлы стали собираться в ульи и качку

мёда пришлось прекратить. Каждому пасечнику оставалось выкачать не больше пяти ульев, и пчеловоды решили заночевать на пасеке, чтобы с утра закончить качку мёда.

Несмотря на то, что все давно дружили и даже делились, в случае необходимости, пчеловодными материалами, возвращать взятое взаймы было принято сразу после очередной поездки домой. Умаявшись за день, пчеловоды пили травяной чай со свежим мёдом и рассуждали о проблемах пчеловодства.

– Нет, друзья, что ни говори, а пчёлы мёд отдают не охотно! – заметил Николай. –

Чем сильнее улей, тем злее пчёлы. У меня один такой имеется. В любую погоду жалят даже через резиновые перчатки для рыбообработки. А ведь у них ещё внутри подкладка матерчатая, вроде фланели. И всё равно достают. Даже с двумя дымярами не подступишься. А что делать? Приходится терпеть.

– У меня тоже такой был один! – согласился с ним Виктор – Что я с ним только не делал, пока матку не заменил. Теперь нормально работает, и мёд даёт взять.

– А, может быть, пчёл клещи беспокоят? – высказал предположение Борис.

– Нет, клещей мы все ещё в мае извели! – ответил Николай.

– Эх! Хорошо бы качать мёд, чтобы пчёлы не жалили! – мечтательно произнесла

Оксана, жена Виктора.

– Есть такая технология в некоторых странах на Западе. Они ставят на улей кассеты с полурамками и пчёлы заполняют их мёдом. Сменных кассет много и вошина на них из штампованного алюминия. Качают такие кассеты зимой, или глубокой осенью – пояснил Николай.

– Мы, однажды, тоже качали мёд зимой! – воскликнул Сергей Степанович, самый старый и уважаемый пчеловод.

– Это где и когда было? Или зима была тёплая, или в Южном полушарии? – удивился Борис.

– Было это в Бурейском районе, за Чеугдой, где сейчас море плещется – пояснил Сергей Степанович.

– Так ты же всегда в Бурее жил! Неужели так далеко пасеку держал? – удивился Николай.

– Пасеки у нас не было! Мы лес заготавливали с бригадой. А мёд кушали от диких пчёл. Возможно, они были домашними, да улетели и облюбовали дупло дерева. Мы лесину свалили, а из дупла мёдом запахло. Оказалось, там много восковых языков с сотами, наполненными мёдом. Принесли мы свою добычу на базовую стоянку и сдали на кухню. Повар наш очень обрадовался. Но немного сжульничал. Припрятал от нас солидную часть сот. От нас то он спрятал, а от мышей-полёвок не сумел. Те, в охотку, быстро съели мёд. Да не столько съели, сколько испортили. Ругали мы повара, на чём свет стоит. А он пообещал нам компенсировать потери, носить еду прямо на делянку. Так и делал несколько дней, внимательно наблюдая за деревьями и валкой леса. С бензопилой он мог управляться не хуже, чем с кастрюлями.

Однажды, он быстро приготовил обед и пришёл на делянку без термосов с едой.

Сказал, что борщу нужно дойти до нужной кондиции на углях. А киселю нужно остыть. На груди у повара болтался полевой бинокль.

В последнее время, наш кок, с ним не расставался, осматривая деревья.

– Нашёл! – громко заорал повар.

– Что нашёл? – почти хором ответила бригада.

– Дупло большое на лесине вон там!

Действительно, недалеко от нас стояло огромное корявое дерево с большим дуплом. Сердцевину когда-то выжгла молния, и теперь этот великан медленно умирал, но давал пристанище лесным жителям.

– Можно, я его сам свалю! – предложил повар.

– Вали! – согласился бригадир.

– Большое дупло! В нём много мёда разместится! – радовался повар, дёргая ручку стартера.

Вскоре дерево рухнуло. Повар стал его разделять, словно тушу лося. Отпилив части дерева выше и ниже дупла, попросил поставить колоду вертикально. Бригада быстро исполнила просьбу. Им самим было интересно, сколько же мёду может быть в этом дупле. Повар первым засунул руку внутрь и сразу отдёргнул её обратно. Лицо его стало белее снега.

– Что случилось? – тревожно спросил бригадир – Пчёлы или шершни ужалили?

– НННет! ТТТтам что-то шипит и шевелится? – заикаясь ответил кашевар.

– Может быть, змеи? – высказал предположение кто-то из членов бригады.

Все невольно попятнулись и как раз вовремя. И дупла оказался таёжный житель, облюбовавший его для зимовки.

Медведь громко зарычал и посмотрел на людей. Но вступать с ними в схватку не стал. Люди тоже заорали и затрещали бензопилами. Через несколько секунд медведь исчез в зарослях.

– Что будем делать, бригадир?

– Подождём немного! – ответил бригадир, вытирая вспотевшее лицо. – Не исключено, что его поранили, когда пилили дерево. Раненый зверь опасен! Может затаиться и внезапно напасть. Послушаем и посмотрим, куда он пошёл.

– Да он может запомнить своего обидчика и мстить только ему! – пояснил один из самых опытных вальщиков.

Над деляной повисла тишина. Некоторые работники закурили. После часового перекура, один из вальщиков заявил:

– Вы как хотите, а у меня в животе от голода урчит! Кисель, скорее всего, замёрз, а борщ выкипел. Я пошёл на табор! А кто не успел, тот пролетел!

Следом за инициатором вся бригада двинулась на место стоянки, где их ждал обед. Натоптанная тропа быстро привела к палатке, вернее к тому, что от неё осталось.

Медведь опередил бригаду и попробовал вкусный обед, а затем и запасы продуктов. Картина была удручающая. Все с упрёком смотрели на повара, обещавшего вкусный и сладкий обед. Заготовку леса пришлось приостановить, а повар уехал и уволился из нашей организации. Говорят, что после этого случая он не ездил в лес ни зимой, ни летом, а от мёда у него наступало расстройство желудка.

Жанр «Поэзия», 1 место

Максим Юрьевич Седелкин родился в 1972 году в г. Благовещенске. Окончил 8 классов школы. Работал поваром, грузчиком, разнорабочим, формовщиком ЖБИ. В настоящее время работает в управляющей компании дворником. Стихи начал писать в 19 лет. Публиковался в немецком альманахе «Без цензуры». Участвует в городских литературных мероприятиях. В 2023 году издана книга стихов «Пока я не исчез».

МАКСИМ СЕДЕЛКИН

ПЕРЕД ДОЖДЁМ

Июньский день, как на ладони.
Пронизывает облака
Свет солнца.
Ветер ветки клонит,
Хоть и рука его легка.
Снуют встревоженные птицы
Осколками от крупных стай.
И, невзирая на границы,
Уходят облака в Китай.
На смену им приходят тучи.
И вот уж небо хмурит взор,
И ветер начинает круче
Деревьев ворошить убор.
Земля к дождю уже готова,
Его предчувствием дыша.
И у поэта зреет слово
На кончике карандаша.

ЭТО МАЙ

Ночь тиха. Спокоен ветер.
Далеко до холодов.
В серебристом лунном свете
Отдыхает от трудов
Спящий город.
Словно мелом
Чья-то вывела рука
На холсте небесном – белым
Белым цветом – облака.
Сны блуждают по квартирам,
Просыпаться не веля.
Это май. И дышит миром
Приамурская земля.

ЛЕТУ БЫТЬ

От заката до рассвета
Пляшет ветерок.
Вот и май – предтеча лета –
Перешёл порог.
Отыскав среди расщелин
Самый верный лаз,
Тут и там пробилась зелень,
Радостью для глаз.
И Амур расправил плечи,
И осколки льда
По течению, далече
Унесла вода.
Лету быть. Дождям и грозам
По земле звенеть.
И красавицам берёзам
Пышно зеленеть,
И желать родной планете
Мира и добра,
И качать на ветках ветер
В танце до утра.

Жанр «Поэзия», 2 место

Татьяна Валентиновна Фадеева родилась в селе Болдыревка Завитинского района (ныне – Завитинский муниципальный округ) Амурской области. С отличием окончила Болдыревскую среднюю школу, БГПИ (факультет иностранных языков). Работала внештатным корреспондентом институтской газеты, посещала Школу молодого журналиста при редакции газеты «Амурский комсомолец».

С 1988 года работает в МБОУ СОШ с. Антоновка Завитинского муниципального округа. Награждена грамотой Министерства образования и науки РФ (2006 г.) за высокие достижения.

Участник Четвертого областного конкурса непрофессиональных писателей и поэтов, победитель в номинации «Литературный эксперимент». Рассказы и стихи печатались в газетах «Эхо», «Амурская неделя», «Завитинский вестник».

ТАТЬЯНА ФАДЕЕВА

ЗИМА

Выткан звездным золотом
Темный холст небес.
И во сне от холода
Вздрагивает лес.

В небе серпик маленький-
Выплыла луна.
По проселкам в валенках
Бродит тишина.

И блазнится-видится
Будто бы сама
Ей навстречу движется
Зимушка-зима.

Льда и снега – поровну...
Дымка над рекой...
Растечется по миру
Ледяной тоской.

Жанр «Поэзия», 3 место

Евгений Александрович Фёдоров – участник литературной гостиной Зейской городской библиотеки. Живёт в с. Бомнак, где очень популярен: он не только пишет стихи, но и сам перекладывает их на музыку. Часто печатается в местной газете «Зейские вести сегодня».

Принимал участие в различных конкурсах и фестивалях, был награждён грамотами и дипломами, лауреат премии имени Григория Федосеева. Несколько лет назад, когда фестиваль гитарной песни проводился на берегу реки Пикан, Евгений занял 1 место и также единодушно завоевал «Приз зрительских симпатий». На собственные средства издал небольшой сборник своих стихов «Я – отражение, или Есть одна святыня у меня».

Победитель III областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2019 г.).

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ

ТАЙГА

Я с рожденья жизнью избалованный,
Как ребенок матерью своей,
Пропоят мне птицы песню новую
О любимой Родине моей.
Нежная, доверчивая, близкая,
Светишь ты полярною звездой.
Ты, моя Россия эвенкийская,
С чистой изумрудною водой.

Здесь тайга нарядами зелеными
По весне безумно хороша,
И цветет, как девушка влюбленная,
Неповторимая ее душа.
Мне моя тайга родная нравится,
Я люблюсь ею, не дыша.
Как листва березки, распускается
Заново моя душа.

Стелется земля брусничной скатертью
В северном загадочном краю.
Как любить умеет сердце матери,
Так люблю я Родину мою.
Никому тебя я не сосватаю,
Ты мои признания прими.
Золотою россыпью богатая,
Добрými и славными людьми.

Пернатая обитательница Хинганского заповедника

Птенец журавля в Хинганском заповеднике

Жанр «Проза», 1 место

Виктория Михайловна Хаустова родилась в городе Белогорске Амурской области. Окончила Белогорский технологический техникум по специальности «продавец-бухгалтер». Занималась предпринимательской деятельностью. Заочно окончила Амурский колледж искусств и культуры по специализации «Социально-культурная деятельность».

Литературным творчеством увлекалась с детства. Первые стихи были напечатаны в газете «Сигнал» города Белогорска в 2003 г. Стихи автора неоднократно печатались в газетах «Амурская неделя», «Сигнал», «Хорошая газета в городе Б», в сборнике стихов белогорских авторов «Прикосновение» (2004), в альманахах «Приамурье» разных лет и «Амурская лира: Избранные строки амурской поэзии» (2011).

С 2005 года В. М. Хаустова является членом литературной студии города Белогорска.

ВИКТОРИЯ ХАУСТОВА

КАК ЕСЕНИН СТАЛ ИНДИЙСКИМ ПОЭТОМ

Читать я начала рано, даже точно не помню, сколько лет тогда мне было, но точно известно, что в пятилетнем возрасте я сама писала письма бабушке в Ставрополь и подписывала конверты и, как ни странно, письма доходили.

Но речь сейчас не об этом. Я расскажу вам одну замечательную историю о том, как Есенин стал поэтом из Индии. Было мне шесть лет. В школу ещё не ходила, но зато ходил мой старший брат в четвёртый класс. Надо сказать, что учёба ему давалась плохо, точнее – не давалась совсем. Чтобы выучить стихотворение, брату нужно было прочитать его вслух раз сто. На сто первый раз стихотворение запоминали все домочадцы, включая кошку, но брат не относился к данной категории. Вечера были похожими один на другой очередной зубрёжкой заданного на дом стиха. – Буря. – Бу-ря... – Мглою. – ...М-г-ло-ю... – Небо кроет. – Небо... – Кроет! – Ну – кроет... – Можно без ну? – Можно без ну... – Небо кроет! – Небо... Это могло продолжаться часами. Когда дня через два или три брат приносил из школы долгожданную тройку, зубрёжка начиналась сначала, только уже другого стихотворения.

В один из таких вечеров пришёл с работы папа. Я побежала его встречать и вместе с ним отправилась на кухню, потому что папа иногда приносил для нас с братом гостинцы.

В этот раз выложил на стол из рабочей сумки круглую жестяную баночку с леденца-

ми, несколько пачек сигарет «Астра» и три пачки, похожие на кубики. Эти пачки и привлекли моё внимание, потому что я сразу схватила одну из них. На пачке был нарисован слон, на котором сидел человек в белой шапочке и держал в вытянутой руке маленькую тарелочку.

Но самой главной на пачке оказалась надпись «Индийский чай». Если с чаем всё было понятно, то слово «индийский» вызывало ряд вопросов. – Папа, а что значит Индийский? – Значит, из Индии привезли. – Ух ты, как здорово! А Индия далеко? – Очень далеко. Там всегда лето и поэтому в Индии живут слоны и обезьяны. – А мама говорит, что слоны и обезьяны в Африке живут, потому что там есть бананы. – Ну, в Африке живут африканские слоны, а в Индии – индийские. – А амурские слоны бывают? – Нет. У нас холодно и амурские слоны замёрзнут, потому что у них нет шуб. Зато у нас живут амурские тигры, ведь они ходят в тёплых полосатых шубах.

Теперь мне всё стало понятно. Я покрутила пачку индийского чая в руках и уже хотела положить на место, но с обратной стороны пачки обнаружила другую надпись: «Чаеразвесочная фабрика. г. Рязань». Прочитав надпись, я пришла к выводу, что раз индийский чай привезли из Индии, а на пачке указан город Рязань, значит, Рязань находится в Индии.

...В один из вечеров брату задали на дом прочитать биографию Сергея Есенина. Брат, выполняя требование учителя, читал вслух, так как, по мнению учителя, текст лучше отпечатывался в памяти. Хотя данная технология учения к моему брату не подходила, а другой технологии для него ещё не придумали, брат громко читал: – Есенин родился в селе Константиново Рязанской области... Я замерла от удивления. – Повтори – где родился? – Уши мыть надо! В селе Константиново Рязанской области!

– А это далеко от Рязани?

– Не думаю. Это где-то около Рязани.

– Ух ты! Значит – Есенин почти из Рязани?

– Если почти, то да.

– Тогда получается, что Есенин родился в Индии.

– Может и в Индии. Кто его знает. Об этом не пишут. Зато пишут, что Есенин в двенадцатом году приехал в Москву на учёбу.

Мне всё было понятно. Есенин родился и вырос в Индии, а потом приехал в Россию учиться и остался. Выходит, что Есенин – индеец. Хотя по фотографии не скажешь. Надо сказать, что в том возрасте я считала, что в Индии живут индейцы. Индейцев я видела несколько раз по телевизору в передаче «Клуб путешественников» – они были разрисованные с перьями на голове. И если разрисовать Есенина так, как показывали по телевизору и на голову прицепить кучу цветных перьев, то получится вполне настоящий индеец.

... Прошли годы. Я пошла в школу. Моя первая учительница удивлялась моим знаниям стихотворений школьной программы старших классов. Благодаря моему старшему брату я без запинки рассказывала «Евгения Онегина» Пушкина, «Бородино» Лермонтова «Железную Дорогу» Некрасова. В начальных классах мне было скучно. Когда мои одноклассники писали палочки и кружочки, я писала сказки собственного сочинения. Через три года начальное образование закончилось – началось общее. Это означало, что каждый предмет преподавал отдельный учитель, и мы переходили из кабинета в кабинет после каждого урока. И вот – урок литературы. По литературе у меня не было ни одной четвёрки – только пятёрки. Меня вызвали к доске рассказать, что я знаю про Есенина. Учитель, уверенная в том, что я отвечу на «отлично», проверяла чьи-то тетради, одновременно слушая меня. Я начала. – Есенин – знаменитый индийский поэт. – Татьяна Ивановна, так звали моего учителя, перестала писать и посмотрела на меня так, как будто я сейчас на глазах у всего класса превратилась в инопланетянку.

– Какой поэт? – переспросила Татьяна Ивановна.

– Индийский. – Класс замер. Наша отличница Оля Пастухова тянула руку. Я поняла, что говорю что-то не то...

– Индийский? – глаза Татьяны Ивановны стали круглыми от того, что она поняла, что ей не послышалось. – Очень интересно! – продолжила Татьяна Ивановна. – Сколько лет живу и только узнала, что, оказывается, Есенин родился в Индии!

– Ну да. – В Индии! – ответила я. – В селе Константиново, Рязанской области!

Татьяна Ивановна глубоко вздохнула, чтобы отойти от шока, и продолжила:

– Так значит, Рязанская область находится в Индии?

– Конечно. Там выращивают индийский чай.

– Что выращивают?

– Индийский чай.

– В Рязанской области?

– Да, в Рязани.

– Познавательное. А где у нас Рязань?

– В Индии... – Так – всё понятно. Садись – два. Это тебе за индийского поэта Есенина. Сегодня скажу Ирине Владимировне (учителю по географии), чтобы поставила тебе ещё одну двойку – за Рязань в Индии. А сейчас Олечка Пастухова нам расскажет, где родился Есенин и где находится Рязань.

После меня к доске вышла Олечка и рассказала, что Рязань находится в России, а Есенин никогда не являлся индийским поэтом. Дополнив свой ответ прочтением наизусть стихотворения Есенина, Олечка получила очередную пятёрку и прошла мимо меня с высоко поднятой головой. Было обидно. Татьяна Ивановна нарисовала в моём дневнике большую красную двойку, которая выделялась цветом и размером среди маленьких синих четвёрок и пятёрок. Ещё одну такую же двойку чуть позже через строчку нарисовала Ирина Владимировна – учитель по географии, и я пошла домой с двумя двойками слушать нравоучения мамы о том, как должны учиться девочки.

А в это время новость об Есенине из Индии стала достоянием школы. На следующий день, увидев меня, улыбались не только учителя, но и все учащиеся нашей школы, кроме первоклашек. Конечно, двойки мне удалось исправить, но это было потом.

С тех пор прошло много лет. Но до сих пор на встрече выпускников мои одноклассники просят меня рассказать про индийского поэта Есенина из Рязани.

Жанр «Проза», 2 место

Мария Егоровна Тимкина – член литературно-музыкального клуба «Вдохновение» при Централизованной библиотечной системе Архаринского муниципального округа.

В прошлом – работник Антоновской сельской библиотеки. При выходе на пенсию занялась вплотную сочинительством. В основном это непродуманные рассказы людей, которые её окружают. Издала три сборника рассказов «Детство всегда с нами» (2014 г.), «С любовью не шутят» (2016 г.), «Удивляясь, удивлять: сборник невыдуманных историй» (2017 г.). Публикуется в газетах «Архаринские вести» и «Марирутка».

Неоднократный участник и победитель международных, областных и районных литературных конкурсов в номинации «Проза»: «Внеклассное чтение» (Новокузнецк); «Земли родной талант и вдохновенье» (Благовещенск), «Пою тебя, мой край родной!» (Архара).

МАРИЯ ТИМКИНА

БУДУ УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ

– Моя учительница лучше всех! – восторженно заявила Любка подружке на перемене.

– Но ты же других ещё не знаешь, – возразила Таська.

– Все равно, Надежда Дмитриевна лучшая, потому что как мама с нами... И всё-всё знает и умеет.

Таська поняла, что подружку не переубедить, но попробовала:

– Я слышала, что Сашка Сивухин с Карлом Майнгардтом твою хорошую учительницу совсем не слушаются.

– Глупенькие, потому и не слушаются, – повторила слова своей матери первоклассница и тяжело вздохнула: Таська говорила правду.

Чтобы легче было контролировать шалунов, Надежда Дмитриевна усадила их за первую парту. Но и это не помогло. С Сашкиной парты продолжали падать на пол учебники, с шумом рассыпались цветные карандаши, летела стеклянная чернильница. Он крутился как заводной, кого-то щипал, дергал за вихор или за косу, выкрикивал с места, кривлялся и всех передразнивал. А Карл по-прежнему не спускал глаз с друга, давился от смеха и помогал проказничать.

Учительница сначала призывала мальчишек к порядку. Затем ставила у парты. Если не помогало, отправляла по углам. А расшалив-

шегося Сивухина даже выносила на руках в директорскую.

– Мама сказала, что учительница совсем молодая и у неё мало опыта, – ещё раз попыталась заступиться за нее Любка.

Ей очень не понравились Таськины слова, и она вынуждена признаться в том, что скрывала от подружки:

– И вообще, когда вырасту, я тоже буду учить детей, как Надежда Дмитриевна и няня Шура.

– Ты что?! – перепугалась Таська. – У учителей должны быть железные нервы. А ты... – она подумала и докончила, – упрямая... И все равно своего добьешься. – И чтобы больше не сердить подружку, сказала примирительно. – А я лучше швейей стану. Ты же знаешь, платья для кукол шью сама. Не прошу сестёр, как ты. А когда вырасту, подучусь, стану шить одежду для взрослых.

– А я сейчас пробую выразительно, как Надежда Дмитриевна читать стихи.

– И что, получается? – поинтересовалась Таська.

Любка ответить не успела. Из глубины коридора вышла учительница. Проходя в класс мимо подружек, сказала:

– Иди за мной, Люба. – Она взяла со своего стола листок бумаги и протянула ей. – Ты

хорошо читаешь стихотворения. Хочу, чтобы именно ты начала наш праздник прощания с букварем.

От радости у девчонки перехватило дыхание. После занятий она бегом помчалась домой.

– Мам, Васька, а мне стих дали на праздник! – сообщила с порога.

– На какой ещё праздник! – оторвал голову от учебника брат.

– На прощание с букварём! – пояснила недогадливому Ваське и с гордостью добавила. – Я открою этот праздник, а вовсе не лучшая ученица Лидка Кочережка.

Мать осталась довольна сообщением. Васька не отреагировал никак. Он снова уткнулся в книгу, чтобы заработать ещё одну пятерку. Других оценок не признавал. Даже не пообедав, Любка принялась учить наизусть свои несколько слов.

Праздник начался. Надежда Дмитриевна подала знак. Любка поправила фартук, одернула новую форму, подаренную ей няней Шурой. На ватных от волнения ногах пошла к доске. Двадцать четыре ученика, двадцать пять родителей и учительница приготовились слушать.

Любка читала стихотворения громко, торжественно, с выражением, как её учили. Стоя в сторонке, Надежда Дмитриевна одобрительно кивала головой. Заканчивалось оно словами:

Из школы дети возвратились,
На улице трещит мороз.
И, весело хвостом виляя,
Встречает их ЛОХМАТЫЙ пёс.

От сильного волнения последнюю строчку девочка закончила так:

«Встречает их МОХНАТЫЙ пёс»

Все засмеялись. Любка на мгновение растерялась. Быстро поняла, что пёс был не мохнатый. Тогда какой? Времени на раздумье не было. На ум пришло похожее по значению слово. Его не раз слышала дома и на улице. И тут же она поправила оговорку: «Встречает их КУДЛАТЫЙ пёс».

Класс захохотал. До слёз смеялись все родители, её мать и даже учительница. Окончательно растерявшись, посрамленная «артистка» пошла на своё место, никого и ничего перед собой не видя. И села... за чужую парту.

Не стесняясь никого, больше всех над одноклассницей потешались Сашка и Карл.

Жанр «Проза», 3 место

Екатерина Фроловна Семёнова – Заслуженный учитель РФ. Родилась 4 декабря 1949 г. в селе Алия Сретенского района Забайкальского края России. Закончила Сретенское педучилище, работала учителем русского языка в Ново-Дурунгуйской школе Ононского района Забайкальского края. Отработав в ней два года, вернулась в деревню. В ней проработала девять лет. В 1978 году закончила Читинский педагогический институт (заочно).

С 1979 г. живет в г. Шимановске. Шимановцам хорошо известно имя Е. Ф. Семеновой, учителя с большой буквы, Почетного гражданина г. Шимановска, депутата городского Совета. Сущность природы этой женщины выражена в её же стихотворных строках: «...труд, талант, старанье, вдохновенье / Всегда по жизни рядышком идут».

Победитель I областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2015 г.).

ЕКАТЕРИНА СЕМЁНОВА

ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ Я СЛЫШУ БИЕНЬЕ СЕРДЕЦ, ЧЕРЕЗ ГОДЫ ЧУВСТВУЮ ВАШУ ПОДДЕРЖКУ

---

*Да разве сердце позабудет
Того, кто хочет нам добра,
Того, кто нас выводит в люди,
Кто нас выводит в мастера.*

Вот оно, святое моё воинство!

Как быстротечно время! И мне уже целых семьдесят три; позади годы, наполненные событиями, историями, хорошими людьми.... Позади – работа в школе, которой я отдала сорок три счастливых года своей жизни. Да и не позади вовсе, всё всегда со мной: моя профессия, мои ученики, мои друзья – так много хранит память, и воспоминания эти держат на плаву и наполняют душу радостью.

Даже не могу точно определить, когда в мою жизнь постучалась школа и навсегда поселилась в моё сердце. Начну с истоков.... Сколько себя помню, в просторный, гостеприимный дом моей бабушки ставили «на постой» квартирантов. В их числе были и приезжие учительницы. Как правило, больше года в нашей деревне они не задерживались. Школа была малокомплектная, в две смены учились все четыре начальных класса, и эти героические молоденькие девочки – учителя менялись, отбыв свой срок. Меня они не напрягали, не пытались научить буквам и цифрам, но зато

сам факт близкого личного знакомства с учительницами наполнял меня важностью и гордостью. Я любила провожать их до дверей школы, а потом как воробей усаживалась на заплот бабушкиного огорода (от окон школы он был в метрах тридцати) и, не отрываясь, смотрела на эти окна, дожидаясь переменок, и завидуя всем, кто учился (это я о моем возрасте с 3-х до 6 лет).

Моё желание учиться было столь велико, что в школу я пошла в шесть лет.

Первая моя учительница Блинникова Антонина Прокопьевна сдалась на просьбы моей мамы, и мне определили испытательный срок, записав в классном журнале в самом конце списка (карандашом!), на всякий случай, если не осилю, не потяну – ну не судьба, значит. А вот взяло и получилось!

Училась с желанием, с интересом, у замечательных наставников. Помню ещё одного учителя – Никифорову Нелли Константиновну. Ну, ничего ведь не было им в помощь – никаких технических средств обучения, никакой

наглядности. На стене в классной комнате висел самодельный плакат с вырезанными и наклеенными картинками, «Счастливое детство» назывался.

Был календарь погоды и огромная карта Советского Союза. Любимым занятием был поиск на скорость любой точки на карте. Ведущий озвучивал название, а мы соревновались, кто первый покажет местонахождение города, горы, реки. Вот уж точно никто не искал Енисей на Кавказе, а Воронеж на Дальнем Востоке.

Мы не спешили убежать из школы, а часами могли слушать, как уже после уроков нам читали любимые книжки про Тимура и его команду, про Гулю Королеву, про мужество и Родину...

Потом были средние классы и учеба в Сретенском педагогическом училище. Помню и цену всех дорогих моих учителей. Вот, например, во многом мой дальнейший выбор определила Кондратьева Елизавета Дмитриевна, заслуженный учитель РСФСР; её уроки русского языка и литературы в педучилище были эталоном эрудиции, мастерства, красоты и изящества нашего слова. Мы многому учились у наших наставников и незаметно для себя становились чем-то похожими на них. Я не любила и плохо знала правила, а писала почти безошибочно. Наверное, потому что очень много читала, и зрительная память почти никогда не подводила. Было время, когда оценки ставили отдельно за русский устный и русский письменный. И вот, когда до меня доходила очередь комментировать буквы и знаки препинания, я готова была спрятаться под парту. Ну, не знала я, почему в слове карандаш сплошные «а». Разве возможно что-то другое? Потому и приходилось учителю ставить мне «троечку», хотя за письменный русский всегда была «пятерка». Именно Елизавета Дмитриевна привила мне любовь к теории и убедила в необходимости быть внимательной и ответственной к законам грамматики. Как-то написав очередной диктант, я ничуть не сомневалась, что получу «отлично», но любимая учительница, назвав мою фамилию, помолчала и укоризненно произнесла: «четыре». Как? За что? У меня же всё правильно! Раздали тетради, открываю, – в конце самого последнего предложения я не поставила точку. Одна пунктуационная ошибка и вот тебе нате! Урок мне на всю жизнь! Позже я рассказывала своим ученикам эту историю. С умыслом, конечно!

А потом началась настоящая работа в школе. Первые мои одиннадцать лет прошли в восьмилеточке Забайкалья. В Шимановск я приехала уже с определенным багажом уме-

ний, но средняя городская школа потребовала такой уровень работы над собой, что без помощи коллег было бы очень сложно. И тут на помощь пришёл коллектив, в первую очередь, директор школы Здобина Мария Матвеевна и старшая пионерская вожатая Обухова Александра Александровна. Очень бережно, терпеливо, деликатно они вели меня по тернистой дороге мастерства, мои минусы (а они, конечно же, были) эти наставники умело превращали в плюсы и радовались каждому моему успеху. К ним я могла подойти с любым вопросом, с любой проблемой – всё было решаемо и понятно! И у других очень сильных, опытных, умных учителей было чему поучиться. В те годы обязательным было взаимопосещение уроков, в специальном журнале мы фиксировали к кому ходили, с какой целью и это тоже очень помогало, ведь у каждого учителя своя особенность, надо только её разглядеть и взять себе на вооружение.

Так что, получается, школа уже сама по себе ещё тот наставник, здесь невозможно оставаться на месте, а накопленный багаж требует обновления, и потому ты всегда в развитии, в тонусе. А успех, он обязательно придёт, но...

«Если хвалят тебя, никогда не гордись – далека к совершенству дорога». Эти слова я всегда помню, их написала мне как напутствие самая главная, самая знаковая личность – мой ангел-хранитель, мой друг, наставник во всех отношениях. И вот тут я вновь вернусь в своё детство.

Послевоенные годы. Особенных радостей-сладостей не было, мы выживали на подножных лакомствах, делились друг с другом глызочкой сахара, ели печёную картоху и ждали каких-нибудь праздников. У меня таким праздником был приезд к бабушке её внучки Нины, моей двоюродной сестры. Она жила в Амурской области, училась в Благовещенском педучилище, была старше меня на десять лет и каждый раз привозила мне гостинцы. Помню соломенную шляпку с лентой, игру «Калейдоскоп знаний» на магнитах, она шила мне новое платьишко, рисовала цветными карандашами цветы (особенно хорошо у неё получались розы). Красивая, стройная, будущая учительница... В один из приездов мы сфотографировались.

Потом она поехала работать учителем начальных классов в Кумарскую школу. Я тем временем заканчивала восьмилетку и благополучно сдала вступительные экзамены в педучилище. Я тоже хотела быть такой, как Нина. А она по ряду причин вернулась в Забайкалье, приехала с семьёй в нашу деревню и стала учителем в новенькой восьмилетней школе. Её

ученикам сейчас по седьмому десятку, но село и по сей день вспоминает Нину Михайловну Горячеву. Она не боялась экспериментировать, и когда ей, единственной в районе, предложили в течение года апробировать новый учебник математики и работать по новой программе, она рискнула и всё освоила. В конце года из Москвы из Министерства образования приехали методист и разработчик, посетили уроки, провели контрольные срезы, они были восхищены и обещали учителю звание «Отличника народного просвещения». Правда, обещание как-то где-то благополучно затерялось, и только в конце учительской карьеры, уже в Шимановске перед пенсией она все равно стала «Отличником».

По сути, она всегда им и являлась. Таня, в деревне она была временами вместо участкового, психолога, переговорщика. Когда в семье нелады, когда «папка начинал драться с мамкой», ребенок бежал к Нине Михайловне и слезно умолял пойти и спасти мамку. Всё бросала и шла, рискуя, порой, здоровьем. Когда однажды она бесстрашно открыла дверь дома, где куражился «хозяин», он схватил с печки чайник с кипятком и швырнул в проём. Хорошо, что успела захлопнуть, но даже потом не ушла, а через подпертую дверь пыталась вразумить, успокоить – ведь рядом был её ученик, ребёнок, который только в своем учителе и видел спасение.

Её очень уважали сельчане и хотели «поставить» на должность председателя Сельского совета, но она не изменила своей профессии. А тут подошло время моей педагогической практики, уже и я студентка четвёртого курса училища. Выбора и сомнений не было никаких – только к Нине Михайловне!

И вот уже пятьдесят лет я храню дневник этой практики. Там расписаны сто один урок и семь внеклассных занятий. (До сих пор горжусь – всего только две четвёрки!). Как сейчас, перед моими глазами те дети – добрые, послушные, уже приученные к порядку и безоговорочно слушающие своего учителя. Дни этой практики ещё больше убедили меня в правильности моего выбора...

Менялись жизненные обстоятельства, у обеих из нас сменились фамилии (она – Радченко, я – Семенова) – всё остальное осталось стабильным: взаимопомощь, взаимовыручка, сочувствие, содействие, сотрудничество.

... И вновь судьба распорядилась так, что мы обе оказались в Амурской области: Нина Михайловна чуть раньше устроилась в школу № 3 Шимановска, потом договорилась о моём трудоустройстве, и я переехала к ней (тут

особая, очень личная история, о которой можно целую книгу написать). Главное – мы рядом, и новый коллектив, о котором я уже упоминала, не стал для меня чужим, потому что в нём была моя опора и надежда, моя «беда и выручка».

К другим на первых порах я бежала за советом по самым серьёзным, важным проблемам; остальные же мои 100 000 «почему» и «как» доставались ей. Она была всегда рядом, приходила ко мне на уроки, разбирала их «по косточкам» и учила меня премудростям обучения и воспитания. Она верила в меня и позже старалась «вручить» своих выпускников именно мне, чтоб классным руководителем и просто учителем русского языка у её ребят-шек была я. Это было здорово!

Я знала, что имеет класс, на что способен каждый ребенок, что за родители будут приходить ко мне в класс. А она была с нами до 11 класса, и позже мы приглашали Нину Михайловну на все наши встречи.

Одно время Нина Михайловна руководила молодёжным объединением учителей – «начальников», и я видела, как дружно и слаженно могут работать коллеги-единомышленники. Её авторитет в школе был признанным, заслуженным; она была интересным, творческим, очень надёжным человеком. Мастер! Профессионал!

С ней было тепло и уютно; она умела окружать себя и других красотой, любила заботиться и делиться. Если дома пекла фирменные, вкуснющие булочки, обязательно несла угощение соседям. Если выросли ранние огурчики или ранетки – их пробовали все. Это было такое обоюдное удовольствие!

А ещё она была заядлым грибником, очень любила лес, отдыхала там душой и набиралась сил. И в широких напевных мелодиях тоже. Дома запросто могла предложить: «А давай spoём». Любимые – «Хасбулат удалой», «По диким степям Забайкалья», «По Дону гуляет». И это было не простое времяпровождение, а психологическая разгрузка-обращение к каким-то глубинным истокам. Кстати, благодаря ей, я впервые оказалась на сельской сцене; на два голоса мы исполняли песню «Среди долины ровныя». Потом было много других – даже в этом она была моим поводом...

Теперь, по истечении времени, понимаешь, какой нам выпадает шанс; жаль, не всегда это понимание приходит вовремя. Уже нет никого, о ком я рассказывала. Я как связующее звено между нами, так много вложившими, отдавшими мне, и теми, кто идет следом.

Смею надеяться, что я не обманула надежды старших, не подвела их. Я стала Отличником, Заслуженным учителем России, наставником для молодых учителей; эстафета не прервалась, её несут дальше мои ученики. К примеру, Никита Жидовленко – актер Амурского драматического театра, блестяще сыгравший Чацкого и Онегина, Руслан Гладышев – ведущий одного из каналов Амурского телевидения, Валентина Симакова – специалист АОЦЭВД имени Белоглазова. Все они служат русскому слову, работают со старшими поколениями, общаются с детьми. И я горжусь ими и многими другими своими питомцами, верю, что ничто на Земле не проходит бесследно, и добрые всходы обязательно прорастают. Иногда даже не знаешь, когда и как наше слово отзовется.

...В этом году шимановская газета «Победа» предложила читателям поучаствовать в добром деле. Запущен проект «Учительница первая моя». Бывших учеников попросили поделиться воспоминаниями об учителях начальных классов. Результаты превзошли все ожидания. Редакция завалена письмами, звонками, электронными сообщениями. И как же я была счастлива, когда в их числе на сайте и в печатном варианте появилась заметка

о моём наставнике – Радченко Нине Михайловне. Спасибо вам, золотые мои люди, мой совесть, благородство и достоинство! Вы остаетесь, продолжаетесь, живёте!

На каком-то клеточном уровне, в подсознании – ваши слова, наставления, уроки. Иначе нельзя!

А мне давно уже не 20, и не 30,
А если честно – и не 60...
Но к лучшему душа моя стремится,
Хоть годы дальше, к космосу, летят.
Но на Земле моей стою, как прежде,
Стараюсь чище и светлее просто жить,
Людьми хорошими с любовью и надеждой
Я никогда не перестану дорожить!

Вот рассказала совсем немного о своем святом воинстве, как в храме побывала, и душа наполнилась удивительным теплом, светом, радостью и благодарностью. Может, это и есть то, что называется благодать?

Лотос – жемчужина Хингана

Жанр «Поэзия», 1 место

Раиса Ивановна Шумакова родилась 28 апреля 1958 г. в д. Апажа Брянской области. В 1961 г. она с родителями и старшей сестрой по переселению приехала в Амурскую область. Сначала в село Улунга Зейского района, позже переехали в село Умлекан.

В 1973 г. она поступила в Благовещенское педагогическое училище № 2, по окончании которого получила диплом по специальности «Преподавание черчения и рисования». С 1977 по 2008 гг. работала в Чалбачинской школе Зейского района. Награждена нагрудным значком «Отличник народного просвещения».

Раиса Ивановна – участник «Литературной гостиной» Зейской городской библиотеки. Участник и призер разных творческих и литературных районных и областных конкурсов. Увлекается живописью и вязанием.

В настоящее время живет в селе Овсянка Зейского муниципального округа.

РАИСА ШУМАКОВА

Я ИДУ НА УРОК

Я иду сегодня на урок,
Не нужны мне грим и маски.
Как всегда, перенесет звонок
В сорок пять минут прекрасной сказки

Фея я, взмахну своей рукой,
И улыбкой засияют лица.
А урок я сделаю такой –
С самой лучшей сказкой лишь сравнится

На уроке, будто дирижёр,
Я стою за дирижёрским пультом.
В детских душах разожгу костер,
Я – турист, а, может, больше скульптор.

Из глины я леплю чужие души.
Я – водитель, и ищу прямее путь,
Чтоб для вас дорога была лучше,
Чтоб в пути смогли вы отдохнуть.

Лыжник я, спускающийся с кручи,
Я сегодня, может, альпинист,
Покоряю горные вершины.
Может, балагур или артист.

Я отчасти, может, астроном –
Будущие звезды открываю.
Я сегодня, может, агроном,
Зерна знаний детям оставляю.

Может, я сегодня космонавт,
И моя рука звезды коснулась.
От прикосновения руки
Душа чья-то ожила и встрепенулась...

Каждый день спешу я на урок,
И идут ко мне навстречу дети.
Встретиться поможет нам звонок
С доброй сказкой на большой планете.

Жанр «Поэзия», 2 место

Анатолий Фёдорович Горохов родился в селе Мухино Шимановского района (ныне – Шимановский муниципальный округ), в семье железнодорожников. Учился в Михайло-Чесноковской средней школе. В 1971 году окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. С 1973 года жил в посёлке Буря, в настоящее время проживает в Белогорске. Председатель литературного объединения Белогорского гарнизона.

Впервые с литературным творчеством публично выступил на II областном конкурсе «Искусство звучащего слова» (Белогорск, 2014).

В интернет-группе «Благовещенск – пограничный городок» имеет персональную страничку. Публиковался в газетах «Советское Приамурье Сегодня» и «Маришутка». С 2016 года самостоятельно изготавливает книги и передаёт их в библиотеки области.

Победитель II и III областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2017, 2019 гг.).

АНАТОЛИЙ ГОРОХОВ

ЖИЗНЬ – САМА УЧИТЕЛЬ

Мы иногда свои года итожим,
Раскрыв альбом, как прожитый архив.
Хоть изменить уже ничто не можем,
Ошибки жизни, мыслью осветив.

И благодарность возникает в сердце
К ому, кто жизни преподавал урок,
Кто позже в стужу позволял согреться,
А в знойный день был, как воды глоток.

Я всех наставников перечислять не стану,
Ведь все важны в тот, нужный мне момент.
Я их пример из памяти достану,
Чтобы закончить свой эксперимент.

Учеником был не всегда прилежным,
А жизнь, порой, порогами несла,
Была она: и праведной, и грешной,
Но вся она – учителем была.

Жанр «Поэзия», 3 место

Ольга Александровна Шут – участник «Литературной гостиной» Зейской городской библиотеки. Родилась и выросла в городе Зее. Окончила Благовещенский педагогический институт, работала учителем русского языка и литературы в школах города Зеи и Зейского района. В 1982 году стала работать в редакции газеты «Коммунистический труд» в должности корреспондента, а через несколько лет вступила в Союз журналистов России. Когда в городе появилось своё телевидение, она стала его редактором. Потом на протяжении многих лет работала специалистом по связям с общественностью ОАО «Зейская ГЭС», преподавателем русского языка и литературы в Зейском медколледже. Всегда находится в гуще творческой жизни города Зеи. В 2019 году вышла её первая книга стихов «Отголоски».

Победитель III областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2019 г.).

ОЛЬГА ШУТ

В ПАМЯТЬ О ЛЮБИМЫХ ПЕДАГОГАХ

Есть люди – как звёзды, их судьбы – как песни,
Но жаль, что порою недолог их век.
Опять соберёмся компанией тесной
И вспомним о вас, дорогой человек.

Вспомним, как жили, мечтали, дружили,
Радость и горе мы с вами делили.
Мудрости вашей, таланту и силе
Вновь отдаём мы низкий поклон.

Не только учитель, не только наставник,
А каждому верный товарищ и друг.
И солнцу навстречу распахнуты ставни,
И льются лучи, как тепло ваших рук.

Льётся над Зеей тихая песня,
Замер рассвет, уходить не спешит...
Может, на свете земля есть чудесней,
Но эта хранит отсвет вашей души.

Жанр «Поэзия», 3 место

Евгений Александрович Фёдоров – участник «Литературной гостиной» Зейской городской библиотеки. Живёт в Бомнаке, где очень популярен: он не только пишет стихи, но и сам перекладывает их на музыку. Часто печатается в местной газете «Зейские вести сегодня».

Принимал участие в различных конкурсах и фестивалях, был награждён грамотами и дипломами, лауреат премии имени Григория Федосеева. Несколько лет назад, когда фестиваль гитарной песни проводился на берегу реки Пикан, Евгений занял 1 место и также единодушно завоевал «Приз зрительских симпатий». На собственные средства издал небольшой сборник своих стихов «Я – отражение, или Есть одна святыня у меня».

Победитель III областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2019 г.).

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ

ГИМН ШКОЛЕ

Вот опять всех вместе собрала нас школа,
Чтобы подарить нам много светлых дней,
В праздничных нарядах мы встречаем снова
Наших дорогих учителей.

Нам всегда здесь рады, нам открыты двери,
В школе нашей чистый и уютный класс.
Очень важно сердцем в будущее верить,
И звонок к уроку прозвенит для нас.

Школа – наша гавань, знания обитель,
Пусть не гаснет ясный в школьных окнах свет.
Будет пусть спокоен первый наш учитель,
Мы ему желаем самых долгих лет.

Наши мамы, папы, вы гордитесь нами,
Будем мы учиться, вас не подведем.
Пусть сегодня школа расцветет цветами,
Что в подарок ей мы принесем.

Быстротечно время, только наши песни
О любви и дружбе в памяти всегда.
Мы однажды классом соберемся вместе,
Чтобы снова вспомнить школьные года.

Виды Зейского заповедника

Птицы Зейского заповедника

